

ЗЛЮСЯ РОМАНОВА

ОН ДУМАЛ, ЧТО ВСЕ
ПОД КОНТРОЛЕМ.
ОШИБСЯ.

ЗАРАЗА

ОН ПРИВЫК ПОБЕЖДАТЬ.
ОНА УДАРИЛА ПО САМОЛЮБИЮ.

Злюся Романова

Зараза

«Автор»

2026

Романова З.

Зараза / З. Романова — «Автор», 2026

Уля уверена, что хуже случайной встречи с наглым красавчиком на дорогой машине быть ничего не может. Но после разбитого носа, помятого самолюбия и третьего столкновения судьба решает свести их ещё ближе - ведь Тимур до сих пор не знает, что дерзкий скейтер, дважды уложивший его на асфальт, на самом деле девушка. Теперь ему предстоит выяснить, кто она - его главная проблема или единственная, которая растопит его циничное сердце.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	38
Глава 12	43
Глава 13	48
Глава 14	51
Г	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Зараза

Глава 1

Тимур

До столкновения 2 часа

Открываю глаза. Солнце жжёт лицо. Пацан кусает меня за палец на ноге. Дёргаю ногой, пытаюсь спрятать под одеялом — куда там! Эта зараза ныряет за мной и продолжает грызть. Да чтоб тебя...

— Да отвяжись ты... — не злобно отпихиваю собаку. — Дай поспать.

В ответ — рычание. Пацан видит, что дело труба, и переходит к тяжёлой артиллерии: запрыгивает на живот и начинает скакать. Джек-Рассел — порода мелкая и лёгкая, но его прыжки по переполненному мочевому пузырю сравнимы разве что с танцами слона в брачный период. Особенно если учесть, что в этом пузыре до трёх ночи копились шоты. Терпеть долго я не могу.

— Ну ты, зараза мелкая... — ворчу и бегу спасать организм от последствий вчерашнего.

Пацан следует за мной по пятам. Он хоть и пёс, но явно считает себя главным в нашей паре. Постоянный контроль и надзор. Как будто не я — помощник военного прокурора, а вот эта псина.

Справив нужду (ещё чуть-чуть — и всё бы выплеснулось наружу), освежившись в душе (чтобы не пугать народ), мы с Пацаном вышли глотнуть свежего июньского воздуха. Я — глотнуть, а он...

— Мля... — протянул я, доставая пакет. — Ты собака или слон?

Птички щебетали, цветочки благоухали — красота. Вроде и Москва, и в то же время — нет. Моя двушка — недалеко от Третьего транспортного, до работы рукой подать. Магазинов — тьма, кафе и ресторанов — в изобилии. Но главное — близость Серебряного бора.

Сижу на лавке, раскинув руки, закрыв глаза, загораю. Пацан как угорелый носится то за белкой, то за птицей. Народу почти никого — восемь утра, воскресенье.

Вскоре ему надоедает это занятие, и он начинает дёргать меня за джинсы. Мол, хватит валяться, поднимай задницу и пошли. И тащит, гад, к турникам.

Я, в принципе, со спортом дружу: в юности получил мастера по тхэквондо, да и сейчас, в свои 22, форму не растерял. Железо в зале тягаю, на спарринги хожу — чтобы и тело, и реакция были как у пантеры, а не у диванного воина.

Подхожу к турнику тоскливо — шоты ещё не до конца переработались. Но раз Пацан сказал «надо» — значит, надо. Лёгкая разминка — и вот уже двадцать подъёмов-переворотов.

— Красава! — хвалю себя.

До столкновения 1 час

Пацан — довольный, я — потный, но тоже в норме. Ещё один душ за утро — теперь чист, как операционный стол. Пошли с псиной рыскать по квартире в поисках еды. Пацану повезло — его корм у меня всегда в наличии. А вот мой завтрак — классический провал логистики.

Из стратегических запасов — только кофе (без него я не человек, а ходячий труп) и быстрорастворимые каши (на случай, если жрать охота, а ждать доставку — нет). Но сегодня и этого не оказалось. Жрать собачий корм не рискнул — я, конечно, кобель (как метко подметил Бодя), но только в плане темперамента, а не пищевых привычек.

Темперамент у меня знатный — хоть в учебники по психологии вписывай. Да и внешность соответствующая: спасибо, маменька, за «фейс», спасибо, папенька, за харизму — получился у них как шведский ассортимент: всё лучшее в одном наборе.

Рост – под метр девяносто (без пафоса, просто факт), телосложение – *«ой, а ты, случайно, не спортсмен?»* (спасибо «тренажёрке»). Глаза – голубые, но не до одури, а так, с намёком на *«да, я знаю, что ты уже влюбилась»*. Улыбка – не голливудская, а та, после которой или в постель зовут, или в морду бьют. Чаще первое.

Чувство юмора – имеется, деньжата – тоже водятся (не нефтяные, но на стейк, бензин и пару глупостей хватает). Вниманием, соответственно, не обделён. Барышни любят меня за «харизму» (за ту, что ниже пояса тоже), коллеги – за то, что могу отмазать от выговора, а друзья – потому что у меня всегда есть парочка смешных историй про мой «богатый внутренний мир».

В общем, если бы я был продуктом, на мне бы красовалась надпись: *«Гарантия качества. Собрано вручную с любовью и лёгкой безалаберностью»*.

Натянул белую футболку (последняя чистая, остальные в стирке – спасибо, Пацан, за «помощь»). Джинсы – не тесные, но и не мешковатые, золотая середина между «я слежу за собой» и «мне плевать». Провёл рукой по волосам – вроде лежит как надо. Жвачка (освежаю дыхание, мало ли какие планы на день), солнечные очки (не столько от солнца, сколько от вчерашнего).

Красава!

Пора на охоту. Точнее, в ближайшее кафе.

С жратвой у меня проблем не было никогда. Настенька, Аллочка, Дашенька и ещё пара «ангелов» (объединённых под общим термином «бабы») всегда были рады накормить, обогреть и... ну, дальше по списку. Но сегодня идти к ним не хотелось.

Бабы — они ведь как кредит: сначала тебе дают, а потом требуют выплат. В их случае — в виде денег, комплиментов и прочей лабуды. А я сейчас голодный, мне не до убогажений.

Сажусь в свою «Девочку». Да, влез в кредит, но оно того стоило. BMW X7. Чёрная, как грех, мощная, как мой удар в печень, и такая же непредсказуемая. Моя любовь.

Подхожу, поглаживаю капот.

— Привет, красотка... — шепчу, чувствуя, как под пальцами холодный металл. — Соскучилась по папочке?

Салон встречает чистотой, запахом кожи и лёгким ароматом «морозной свежести». Завожу. Двигатель рычит, как зверь, сорвавшийся с цепи.

— Мурлыкай, сучка... — добавляю газу.

Звук... Чёрт, я бы слушал его вечно. Но голод — не тетка. Включаю передачу, нога на газ.

— Поехали.

10 минут до столкновения

Дорога пустынна, только рёв мотора и тяжёлые биты клубного трека бьют по барабанным перепонкам. «Девочка» мурлычет на пониженной передаче, жвачка с ментолом перебивает вкус вчерашнего корпоратива. Настроение — боевое.

Сворачиваю в переулок — где-то здесь было то самое кафе с блинчиками «как у мамы». Медленно ползу, высматривая знакомую вывеску.

И тут — стоп. Что за прелесть?

На тротуаре скучает конфетка в мини: ножки — как с обложки (длинные, загорелые, с игривым каблучком), юбка — едва прикрывает то, что должно оставаться загадкой. Ветерок так и норовит устроить эксклюзивный показ — спасибо, природа.

Грудь — аккуратная, «пятерка» по моей строгой шкале. Если лицо окажется на том же уровне — считайте, я уже мёртв и попал в рай.

Притормаживаю, опускаю стекло:

— Мисс, вы, кажется, мой заказ? — улыбаюсь во все 32 зуба.

Молчит, делает вид, что не слышит. Ого, ещё и с характером!

— Алмазы в ваших глазах дороже всех бриллиантов, — выдаю проверенную банальность.

Поворачивается — ага, заработало! Глазёнки загорелись жадным блеском. Ну здравствуй, золотишко.

10 секунд до столкновения

Откидываю со лба непокорную прядь волос, натягиваю затемнённые очки. В отражении стекла — чистой воды альфа-самец. Прищуриваюсь, оцениваю нимфетку с аппетитными формами.

Резко открываю дверь...

Мгновение — оглушительный удар, скрежет металла.

— Что за пи...ц.

Уля

— Ууууль!..

— Чего ещё?

— Мусор захвати!

— Ладно.

На автомате натягиваю кроссовки, хватаю рюкзак с колонкой, скейт и пакет с мусором. Вылетаю во двор, как ошпаренная. Сегодня планы — огонь: танцевальный джем в центре с пацанами. Они несут линолеум, чтобы не стереть подошвы в пыль, я — мощную аудиосистему. Может, повезёт — подзаработаем на карманные расходы. Осенью же первенство по брейку, а новые кроссы сами себя не купят.

Бананы в уши, любимый трек орет на полную. Ногю на доску — и я уже несусь по пустому тротуару, виртуозно лавируя между трещинами в асфальте. Погода — сказка: тепло, но не палит солнце. В лёгком спортивном костюме — вообще кайф.

До метро — пять минут. Сегодня без пересадок — напрямик до центра. 20 минут в душном вагоне — и я снова на свободе. Отталкиваюсь ногой, смахиваю со лба непокорную чёлку... И тут

На пути дамочка — вся такая «мужчины, приготовьте носовые платки». Стоит, уткнувшись в телефон, перекрывая весь тротуар. Рядом чёрная BMW, из окна которой какой-то тип с ней трещит.

Мгновение — и дверца распаивается прямо перед моим носом!

Удар. Скрежет. Дикая боль в колене и мягком месте, на котором я приземляюсь после кульбита.

Первая мысль: «Смогу ли сегодня танцевать?»

Вторая: «Кто этот гаденыш?!»

Тип материализуется мгновенно — мечется вокруг машины, как петух на скотном дворе. Подбегает ко мне, брызжа слюной:

— Эй, ты что, слепой?!

— Это ты про меня?! — закипаю. — Может, ты будешь не на девочек глазеть, а по сторонам смотреть?!

— Ты мне машину поцарапал!

— А ты мне ногу и задницу! — парирую, с трудом поднимаясь.

Девушка уже испарилась. Мы стоим нос к носу, как два кота на крыше — только вместо мяуканья летят матерные тирады.

— Давай номер родителей! Будешь мне ремонт оплачивать!

— Ага, сейчас! — хватаю доску и делаю ноги.

Но этот двухметровый гора-мужик ловит меня за капюшон и дёргает назад:

— Куда собрался, пацан?!

— Отпусти! — извиваюсь, как угорь. — А то хуже будет!

Не отпускает. Напротив, хватка становится железной. По спине бегут мурашки — я-то вешу всего 55 кг и этот детина может меня просто переломить.

Резко разворачиваю корпус и вкладываю в удар всю силу, восемь лет айкидо дают о себе знать. Нога со свистом рассекает воздух и точно вонзается под диафрагму.

Гора-мужик аж приседает от неожиданности, пальцы непроизвольно разжимаются. Пока он осознаёт произошедшее, я уже вскочила на доску и рву с места, как олимпийский спринтер со старта. Оборачиваюсь: сидит на асфальте возле своей «бэхи» с лицом «какого х** только что произошло?».

Мой средний палец сам выстрелил вверх (ну ладно, не сам — кого я обманываю?!). Выкуси!!!

Глава 2

Тимур

Сижу как ошалевший тюлень на асфальте и наблюдаю, как этот «дрищ» на скейте смывается в закат. Ребра ноют — не смертельно, но обидно. В теории, такой пинок для моей комплекции — как комариный укус. Но эффект неожиданности сделал свое дело.

Внезапно меня накрывает приступ дикого хохота. Мля... Я — двухметровый (почти) качок, мастер спорта по тхеквондо, которого только что отправил в нокдаун подросток размером с мой левый ботинок! Да еще и на прощание удостоил похабным жестом.

Поднимаюсь, отряхиваюсь. На белой футболке — стильный отпечаток кроссовка 36 размера. Осматриваю «бэху» — царапинка и вмятинка, страховка все покроет. Жаль, что страховка не сможет покрыть мой персональный позор. Девчонка с пятым размером сбежала — ну и ладно, не до нее сейчас.

Запах кофе ведет меня в кафешку неподалеку. Надо срочно заесть и запить этот позор — потом махну к родителям за порцией нежных поцелуев от маман и крепких мужских объятий от отца.

Кафе «Брауни» встретило меня уютным гудением кофемашин и приглушёнными разговорами. Интерьер в стиле индустриального лофта — кирпичные стены, массивные деревянные столы с характерными царапинами, кожаные диваны с потертостями, будто пережившие не одну душевную исповедь. Над барной стойкой висели медные светильники, отбрасывающие тёплый янтарный свет на стены, где в беспорядке развешаны винтажные фотографии старой Москвы: заснеженные трамваи, купеческие особняки, бойкие торговки с корзинами цветов.

За стойкой колдовал бариста — парень лет тридцати, с хищным профилем, коротко стриженными тёмными волосами и руками, полностью покрытыми татуировками: переплетение якоря, розы и цитаты на латыни. Его движения были точными, почти механическими — он взбивал молочную пену, не глядя, будто его руки жили отдельной, давно отточенной жизнью.

— Двойной эспresso и пару ваших фирменных блинов, — бросил я, плюхаясь на барный стул.

Он кивнул, даже не подняв глаз:

— Будет горько.

— Так мне и надо, — проворчал я.

Я занял место у панорамного окна, за которым копошился город. Я уставился на свой искажённый силуэт в стекле — здоровый детина с перекошенным лицом, которого только что уложила на асфальт какая-то мелкая шпана.

Кофе принесли быстро. Эспresso оказался настолько крепким, что от первого глотка сводило скулы. Блины — воздушные, с хрустящей корочкой, — пахли ванилью и топлёным маслом. Я впился в них вилкой, как будто они были виноваты во всех моих сегодняшних бедах.

«Хоть здесь меня не подвели», — подумал я, чувствуя, как сладкий творог и горький кофе смешиваются во рту в странное, но приятное послевкусие.

Пережёвывая последний кусок блина, одной рукой набираю номер страховой. Звонок длится ровно столько, сколько нужно, чтобы окончательно убедиться — деньги могут все, ну или почти все!

"Ну что, теперь можно и к родителям", — думаю я, выходя из кафе.

Час пути по загородному шоссе — и вот я уже сворачиваю к знакомым воротам коттеджного посёлка "Золотые сосны". Охранник в будке, узнав меня, лишь кивает. Ворота медленно распахиваются, открывая вид на аккуратные аллеи с вековыми дубами и ухоженные газоны.

Родительский особняк, построенный в стиле современного модерна, по-прежнему впечатляет своим величием. Фасад из светлого песчаника украшен панорамными окнами в чер-

ных рамах, отражающими закатное небо. На втором этаже — просторная терраса с коваными перилами, где мама обычно устраивает свои "чайные церемонии".

Перед входом — небольшой фонтан. Вода тихо журчит, создавая атмосферу умиротворения. По обе стороны от парадной лестницы — аккуратные кусты самшита, подстриженные в идеальные шары.

Родители, словно почувствовав мое приближение, уже ждут у входа. Мама — хрупкая блондинка в своем любимом сиреневом кардигане (кажется, у нее их дюжина одинаковых) — бросается ко мне с объятиями. Ее волосы пахнут любимыми духами с нотками ванили, а руки, несмотря на возраст, такие же мягкие и нежные, как в детстве.

Отец стоит чуть поодаль, его мощная фигура в безупречно сидящих кардигане и джинсах оттеняет мамину хрупкость. Его темные волосы с благородной проседью, зачесанные назад, и пронизательные карие глаза выдают в нем человека, привыкшего командовать. Но сейчас в его взгляде — редкая мягкость.

— Ну что, герой, как дела? — его крепкое рукопожатие могло бы раздавить кости обычному человеку, но мне досталась такая же богатырская хватка.

Холл встречает прохладой керамики под ногами и мягким светом огромной хрустальной люстры — того самого подарка на двадцатилетие их свадьбы. Стены украшены семейными фотографиями в строгих деревянных рамках: вот я — пухлый карапуз сижу на горшке, вот наш семейный отдых в Сочи, вот выпускной в школе.

Из гостиной доносится тонкий аромат тюльпанов — маминых любимцев. Кожаные кресла, доставшиеся от деда, будто приглашают присесть, но я знаю — сначала будет обед.

— Идем на кухню, я приготовила твой любимый борщ! — мама хватает меня за руку и тащит по коридору с дубовыми панелями, будто я всё ещё пятилетний сорванец, который может сбежать по дороге к тарелке.

Отца она, конечно, уже давно не тащит — скорее, профессионально выдворяет под предлогом "не мешай мне колдовать". Хотя мы-то знаем: папино кулинарное участие обычно заканчивается тем, что он "просто попробует" половину готовящегося обеда, да ещё и соль "на глазок" добавит — к ужасу маминого перфекционизма.

Кухня у нас — место святое, где мама царит абсолютной монархией. Хотя, родители, конечно, не бедствуют — тут тебе и прислуга, и садовник. Но когда дело касается еды для «единственного ненаглядного отрока» (то есть меня), мама превращается в этакую кулинарную фурию. Никакие повара с мишленовскими амбициями не смеют приближаться к её борщу, её котлетам и её пирогам с луком и яйцом.

И вот она, моя драгоценная маман, с идеальным маникюром лично рубит, режет и помещивает, чтобы к моему приезду всё было "как в детстве".

А кухня у нас — самое важное место в доме. Не этот помпезный обеденный зал на двадцать персон, где даже салат едят с таким видом, будто подписывают международный договор. Нет, мы любим по-простому: на кухне, под треск сковородки, с дурацкими семейными байками и обязательным "Тимур, не чавкай!" от отца.

По пути проходим мимо кабинета отца с его массивным дубовым столом и стеллажами, забитыми книгами по экономике и истории. Проходя мимо двери в "комнату будущих внуков" ускоряю шаг. «Ох, мам, — думаю, — ну какие мне дети? Вот родится такая же зараза, как этот скейтер...»

Хотя... если вспомнить нашу «банду четырёх» (я, Марк, Бодя и Санек) в дачном посёлке «Лесная сказка» (небольшой двухэтажный домик бабушки Санька каждые каникулы собирал нашу банду вместе). Мы творили такое, что этот скейтер — просто ангелочек.

То груши воровали целыми урожаями — не потому, что хотели есть, а просто чтобы посмотреть, как дядя Витя, пунцовый от ярости, исполняет свой коронный танец с граблями под аккомпанемент такого словесного потока, что даже матросы-черноморцы бы смутились.

То стволы деревьев на дорогу таскали — не со зла, а ради науки. Нам же было интересно, сколько пенсионеров потребуется, чтобы убрать одно бревно (ответ: три дедушки, одна бабушка и обещание бесплатного самогона). А мы тем временем в кустах катались от смеха, пока нас не накрывал приступ кашля — потому что смеяться тихо мы не умели.

Но настоящий шедевр случился, когда мы решили «пошутить» над бабкой Аней. Эта женщина была местным спецназом — вилами владела лучше, чем некоторые спецназовцы автоматом.

Мы подкрались к её участку, чтобы... ну, в общем, стыдно даже вспоминать. Но бабка Аня нас «поймала». Вернее, не поймала — она нас загнала в сарай и прочитала лекцию о морали такую, что мы потом месяц ходили в церковь ставить свечи «за здравие».

Марк до сих пор вздрагивает, когда видит вилы. Бодя начал уважать старших. Санек перестал воровать груши. А я... ну, я просто понял, что в этом мире есть силы, с которыми лучше не шутить.

Сейчас мы, конечно, «взрослые и серьезные». Ну почти. Марк остепенился, Бодя вроде тоже (хотя сам еще не понял), а мы с Саньком — вольные птицы.

— Сынок, ну, когда же внуки? — мама водружает передо мной тарелку с яблочным пирогом, словно это последний аргумент в многолетнем споре. Только что я одержал победу над борщом и "мясом по-французски" и теперь стратегически перегруппировываю войска для штурма свежей выпечки.

Отхлебываю компот из сухофруктов, как виски перед важным заявлением:

— Мам, ну, где я тебе найду приличную девушку? Те, что мне нравятся, тебя с папой в обморок отправят. А те, что вам по вкусу... — делаю театральную паузу, — ...мне приходится ставить будильник, чтобы не уснуть во время свидания. И потом, мне еще рано! У меня же Пацан на иждивении, кредит за машину. Вот встану на ноги...

Пирог исчезает с тарелки с пугающей скоростью. Мамина выпечка — это отдельный вид наркотика.

— Мне бы такую, как ты, мам, — говорю с набитым ртом. — Чтобы и борщ — огонь, и пироги — восторг, и в постели... Ой.

После этих слов мама алеет, как её любимые тюльпаны на клумбе. Отец же давится компотом, издавая звуки, похожие на бульканье засорившегося водопровода.

— Так ищи себе такую, — сквозь смех выдает отец, подмигивая мне так выразительно, будто запускает тайный мужской заговор. Его карие глаза блестят от веселья, а в уголках собираются морщинки — те самые, что появляются только когда он действительно доволен.

Вырваться из родительского гнезда удалось только когда за окном уже сгустились сумерки. Я ехал по освещенным улицам, наблюдая, как витрины магазинов загораются теплым желтым светом, а город постепенно переходит в вечерний режим. В голове еще звучали мамины наставления и папины шутки, но я уже с нетерпением ждал момента, когда смогу скинуть одежду и лечь в мягкую кровать.

Моя квартира встретила меня тишиной и уютным полумраком. Но эта идиллия длилась ровно до того момента, как я переступил порог. Из прихожей ко мне вылетела торпеда — мой Пацан встретил меня с энтузиазмом перевозбужденного кенгуру, который вдобавок выпил тройную дозу энергетиков. Он скачет вокруг, крутится под ногами и виляет хвостом с такой силой, что, кажется, вот-вот взлетит, словно мячик в пейнтболе, случайно залетевший на переполненное адреналином поле.

— Ну что, дружище, — вздыхаю я, пытаюсь удержать равновесие под натиском этого урагана, — видимо, срочно требуется выгул? Или ты просто так рад меня видеть?

Ответом служит громкий лай и моментально принесенный в зубах поводок. Этот мелкий хулиган явно знает, как добиться своего. Его карие глаза смотрят на меня с таким обожанием и нетерпением, что я не могу удержаться от улыбки.

— Ладно, ладно, идем, — сдаюсь я, наклоняюсь, чтобы пристегнуть карабин к ошейнику.

Пацан тут же превращается в вихрь радости, кружась вокруг себя и задевая хвостом все предметы в радиусе метра. Я едва успеваю схватить ключи и телефон, прежде чем он утянет меня к двери.

Пока мы ковыляем к лифту (я — уставший после долгого дня, он — полный энергии и решимости), в голове мелькает крамольная мысль: «И кто здесь вообще хозяин положения?».

Лифт с мягким звонком открывает двери, и мы заходим внутрь. Пацан тут же занимает позицию у моих ног, но по его дрожащему от возбуждения телу и подрагивающему хвосту ясно — как только двери откроются на первом этаже, этот снаряд рванет с места со скоростью гоночного болида.

Я вздыхаю, глажу его по голове и нажимаю кнопку. Впереди нас ждет вечерняя прогулка, во время которой я наверняка еще ни раз задамся вопросом, кто кого на самом деле выгуливает. Но, глядя на его счастливую морду, понимаю — даже если это и не я тут главный, оно того стоит.

Уля

Всю дорогу гнала как угорелая, представляя, как этот двухметровый психопат несётся за мной на своем монстре. Нога ноет, пятая точка напоминает о себе при каждом повороте - ну ничего, не первая, не последняя. Хотя на джеме сегодня придется непросто - брейк-данс не терпит хромоножек.

Ребята уже кучкуются на площадке. Бросаю всем «дай пять» и начинаю разминку. Без растяжки - как на бой без оружия. Народу пока немного, но знаю по опыту - как только зазвучит музыка, соберётся полный стадион зрителей.

— Улька, ты в чём это припёрлась? — Ванька тычет пальцем в свежую дыру на моих штанах. — Опять с деревьев падала?

— Со скейта, умник. Хотя разницы особой не вижу.

— Танцевать-то сможешь?

— А ты смотри и учись, — огрызаюсь, чувствуя, как адреналин перебивает боль.

Нас собирается человек девять. Расстилаем линолеум (чтобы не стереть в кровь и без того покалеченные колени), врубаем колонку на полную. Басы бьют по грудной клетке - вот оно, родное!

Парни начинают зажигать - Toprock, Footwork, потом переходят на Power move. Вот это моя боль: женская анатомия явно не рассчитана на такие кульбиты. Но «невозможно» - не про меня. Между учёбой и подработками я всё равно шлифую элементы - медленно, но верно.

С перерывами на бургер и «подумать о вечном» зажигали до темноты. В итоге - 2000 рублей в кармане, а значит, новые кроссовки уже почти мои!

- Ну, парни, я сваливаю, - бросаю на прощание, ловя в воздухе кулак Вани. - В пятницу снова рвём асфальт?

Ребята переглядываются, перебрасываются парой шуток про мою «хромую утиную походку» (спасибо, друзья!), но в итоге кивают:

- До пятницы.

Глава 3

Тимур

Рабочая неделя тянется, как жвачка из-под дивана — липкая, бесконечная и уже безвкусная. Стены военной прокуратуры давят, как кредит на мою «Девочку», а личная жизнь... Какая, к черту, личная жизнь? После работы — священный ритуал: диван, пицца «4 сыра» (хотя сыра там, как моей мотивации — чуть-чуть), кола (диетическая, ведь я же «за ЗОЖ») и иногда пиво (недиетическое, потому что жить тоже надо).

Разбавляет эту идиллию только Пацан — мой четвероногий тиран. Он свято верит, что его миссия — вытаскивать меня на улицу, будто я тот самый забытый мячик под шкафом. Бегаем, прыгаем, утрамбовываем пиццу... Потом — зубки, баиньки, и снова по кругу.

На работе меня радует только одно — наш небольшой, но до невозможности заботливый женский коллектив. Видимо, у меня лицо вечно голодного студента, потому что коллеги буквально взяли шеф-поварской контроль над моим питанием.

Варечка-секретарша — миниатюрная блондинка с кудряшками цвета пшеницы и хитрющими глазками. Каждый понедельник она «случайно» заходит ко мне в кабинет под предлогом "свежих пирожков" — то с капустой, то с вишней, то не пойми с чем. "Тимур Георгиевич, угощайтесь, столько напекла, а есть некому!" — причитает она, делая трогательные глазки. Но я-то прекрасно понимаю: её интересует не мой голод, а возможность пофлиртовать под видом заботы. А меня, если честно, интересуют только её пироги.

Светлана Ивановна — женщина внушительных габаритов с лицом, напоминающим добродушный месяц август, и руками, которые явно созданы не для заполнения кадровых документов, а для варки варенья. Этот добрая женщина, чем-то отдаленно напоминающая мою маман, подкармливает меня домашним вареньем — малиновым, смородиновым, а иногда даже экзотическим крыжовниковым с апельсином. «Для мозгов полезно!» — уверяет она.

Но и это не всё!

Марина из бухгалтерии — дама с формами, достойными рубенсовских полотен, и вечной печалью в глазах периодически приносит домашние сырники «чтоб мужчина силы не терял». Олеся с третьего этажа — высокая, как тополь, брюнетка со взглядом «ястреба на охоте» виртуоз "случайных" визитов. Её шарлотка — это, конечно, шедевр кулинарии. Но есть нюанс: пирог исчезает за пять минут, а Олеся — нет. Приходится изобретать гениальные отговорки: "У меня срочные переговоры!", "Меня ждут на выездном совещании!". Однажды я даже попытался притвориться, что у меня аллергия на корицу, но на следующий день она принесла шарлотку с ванилью. Похоже, это война на истощение.

Александр Петрович (да, мужчина!) — мой единственный оазис в этом кулинарном безумии. Суровый архивариус с лицом, напоминающим переплет советской энциклопедии, и вечным недовольством в голосе. Наш архив — последний оплот мужской солидарности. Здесь хорошо: пахнет старыми бумагами, пылью и свободой. "Забирай моё хачапури", — бурчит он, — "жена опять перестаралась". Мы сидим, едим, иногда молчим, иногда обсуждаем футбол. Здесь можно даже вздремнуть в обед — никто не придет с пирожками и дурацкими разговорами.

Я, конечно, не жалуюсь... Но сухомытка — это вредно, борщик бы не помешал! Хотя бы для разнообразия. А то скоро придется не просто штаны менять — придется пробивать в бюджете статью "спецодежда для постоянно растущего сотрудника".

К концу недели меланхолия накрыла меня так, что в пятничное утро я проснулся с одной-единственной мыслью: «Сегодня — без тебя, грусть!» Взял Пацана (мой верный бело-рыжий двортерьер с умными глазами и вечно виляющим хвостом), достал велосипед (мне, конечно

— Пацан предпочитает передвигаться на своих четырех лапах, зато как он обожает бежать рядом!) — и мы рванули в Серебряный Бор, подальше от городской суеты и тоскливых мыслей.

Шесть утра. Время, когда город только просыпается, а мы уже мчим по лесным тропинкам. Воздух — свежий, с легкой прохладой и ароматом хвои. Белки, будто разделяя наше настроение, игриво прыгают с ветки на ветку — наверное, они тоже радуются, что наступила пятница. Солнце приятно согревает, его лучи пробиваются сквозь листву, создавая на земле причудливые узоры. Птичий хор исполняет утреннюю серенаду, и кажется, будто весь лес ликует вместе с нами.

Мы с Пацаном носились по тропинкам, как два счастливых безумца. Он с азартом обнюхивал каждый куст, заглядывал под каждое бревно, а я просто наслаждался свободой и этим моментом — ни дедлайнов, ни забот, только лес, солнце и мой верный рыжий комок энергии.

Вернулись домой обалдевшие от счастья, уставшие, но довольные. Пацан моментально уткнулся мордой в свою миску и принялся жадно уплетать завтрак, громко чавкая и периодически поднимая на меня благодарный взгляд.

Я же, скинув пропотевшую футболку, отправился под душ. Ледяные струи воды смыли с меня остатки усталости, пот и следы утренних приключений. Обновленный, с мокрыми волосами и свежей головой, я наскоро заправился геркулесовой кашей (гадость редкостная, но полезная — этим и берет) и отправился на службу.

До работы долетел на своей «Девочке» — и, о чудо, без привычной утренней толкотни. Даже Третье транспортное кольцо, обычно задыхающееся в бесконечных пробках, сегодня раскрыло передо мной свои объятия. Пустые полосы, свободные развязки, отсутствие привычных "пробочных вампиров", высасывающих последние капли утреннего терпения — казалось, сама дорога решила сделать мне подарок в этот прекрасный день.

Я несся по городу, как по взлетной полосе, чувствуя, как адреналин бодрит лучше самого крепкого кофе. «Сегодня точно мой день», — подумал я.

Влетел в кабинет, как снаряд, едва не снес по пути Варечку-секретаршу с ее вечными "Тимур Георгиевич, пирожки с кофе будете?". Переоделся в форму на автомате — галстук, китель, погоны. Все по уставу, все как положено. И утонул в своем кожаном кресле помощника начальника военной прокуратуры, как в окопе после марш-броска.

Это чертово кресло — отдельная история. Глубокое, как воронка от авиабомбы, мягкое, как пуховая перина на генеральской даче. Откинешься назад — и все, приехали. Можно случайно заснуть и проснуться уже на пенсии, с седыми висками и медалью "За усердие".

Взял телефон в руку.

— Здорово! — загремела трубка голосом Боди, — Начальство снизошло до простых смертных?

— У начальства пятничные планы.

— Подробнее! — оживился Бодя. — Я сегодня выходной, готов весь день посвятить руководству!

— Весь день не получится... — отвечаю. — А вот вечер... Как насчет бургеров, креветок и пива?

— Ммм... Мой любимый набор! — заурчал Бодя. — Время и место?

— 18:00, как обычно.

— Добро! — грохнул он. — Санек с Марком будут?

— Еще не звонил.

— Понял. Отбой.

— Отбой! — автоматом ответил я.

Санек с Марком тоже согласились (ну а кто откажется от халявного бургера с пивом?). Сижую, потираю руки. Наконец-то жизнь! А то документы, совещания... Когда жить-то?

Конец рабочего дня наступил неожиданно — как обычно, когда работы вагон.

Переделся в гражданку: голубая футболка (в цвет глаз — вдруг вечер завершится с какой-нибудь нимфой!), джинсы, кеды (на случай погони за той самой нимфой), солнцезащитные очки (красавчик я или где!).

Бар «Хищник» встретил приятной прохладой, полумраком и запахом табака. Интерьер — «нашествие инопланетных чудовищ»: кирпичные стены, дубовые столы, цепи, крюки... Идеальное место для мужских посиделок.

Парни уже сидят, жрут бургеры и треплются. Машу официанту, параллельно жму краба друзьям.

— То же самое, что и им! — говорю. — Жрать хочу — аж живот сводит!

Официанты здесь быстрые, как Пацан за котом. Не успел облизнуться — уже несут бургер и пиво.

— Ну, мужики, как жизнь?

Каждый начинает делиться новостями.

Бодя, развалившись на стуле, начал свой привычный монолог про "все бабы — стервы":

— Эта Лизка совсем берега потеряла! — хлопнул кулаком по столу, едва не опрокинув бокал с пивом. — Совсем мужику жить не дает! В понедельник, представляете, после суточного караула познакомился с одной интеллигенткой. — Тут Бодя выразительно провел руками по воздуху, изображая пышные формы. — Не просто тело — с высшим образованием, между прочим! Вечером договорились... ну, вы поняли, культурно пообщаться.

Бодя сделал драматическую паузу, осушил бокал.

— И в самый ответственный момент звонит эта Лизка-коза! Орет в трубку: "Бодь, у нас потоп, срочно приезжай!" Я, дурак, сорвался как ошпаренный. Примчался — а эта стерва воду из ведра опрокинула, когда полы мыла! — Бодя сжал кулаки. — Из-за лужицы в коридоре я такого траха лишился! В отместку сожрал у нее все жаркое из холодильника и лег спать. Пусть знает!

Санек мрачно хмыкнул и подхватил эстафету:

— Твоя Лизка — ангел по сравнению с моим стажером. Это не сотрудник, а 33 несчастья в юбке!

Он нервно провел рукой по лицу, вспоминая:

— В первый же день она споткнулась и вылила на меня крутой кофе. Я думал, мне как мужчине конец! Потом дверью по лбу съездила — "ой, не заметила". А вчера я узнал, что в бассейне... — Санек содрогнулся. — Лучше не вспоминать. Я теперь на работу иду как на минное поле.

Марк тем временем молча жевал свой бургер, едва заметно улыбаясь. Ему-то что переживать — у него Янка, счастливчик.

Я сидел, слушал эти байки и думал — хорошо, что у нас есть такие посиделки. Где еще мужики могут так искренне понять о своих «женских» проблемах?!

Глава 4

Тимур

С пацанами вывалились из паба на Николке. Пиво лилось рекой, градус поднимался, настроение – тоже.

— Давайте прогуляемся до Красной, проветримся! – предложил Марк.

— Ага, «потрясем» съеденное, «поплещем» выпитое, – заржал Бодя, похлопывая себя по животу.

Николка кишела народом. Туристы с фотоаппаратами, парочки, подвыпившие компании – все смешалось в одном пестром потоке. Баб – море. Но, как метко заметил Санек:

— Ассортимент – не фонтан.

Вдруг — грохот музыки, улюлюканье, хлопки. Подходим ближе: пацаны крутят брейк. Человек 10, не больше. Колонка трещит, народ зажигает. Особенно выделяется мелкий пацаненок — вертится, как юла на энергетиках.

— Откуда в нем столько энергии? — удивляюсь. — Он что, питается энергетиками?

Будучи подростком, пытался заниматься брейком, но не срослось. Помнится отец тогда стукнул по столу, насупил брови и поставил ультиматум: «либо брейк и ты примеряешь форму кадета суворовского училища, либо рукопашный бой и ты остаешься на мамкиных харчах!». Мамкины харчи я любил как-то больше, чем брейк, поэтому решение принял быстро. Но сердце продолжало трепетать при виде ребят, делающих бэкспин, фриззы, твист...

Стоим, смотрим. Через час брейкеры собираются. Решаю подойти к тому мелкому пацану, 1000 подкину, отработал лучше остальных. Он стоит в сторонке, пьет воду. Щуплый, потный, но глаза горят.

— Эй, пацан! — кладу руку на плечо.

Он оборачивается... Зеленые глаза расширяются. Бутылка падает. И тут...

— Тыыыы?! — раздается противный писклявый голос.

Я в шоке. Передо мной... ОНО – «Дриц» на скейте собственной персоной.

— Ты следишь за мной?! — визжит пацан.

— Больно надо! Хотя разговор есть...

— У меня нет с тобой разговоров! Вали, дядя!

— Чегооо?! Как ты меня назвал?!

Хватаю его за рукав. Он пытается лягнуть.

— Неа, братан, второй раз не прокатит!

Дергаю к себе...

Уля

Пятничный вечер шел своим чередом. Мы встретились с ребятами на Никольской улице — народу тьма, значит, можно будет хорошо подзаработать. Расстелили линолеум, поставили колонку, застучали биты.

По очереди начали выходить на танцпол. Я, конечно, не звезда, но опыт есть — знаю, как завлечь и удержать публику.

— Уля, твой выход! — кричит мне Витька.

Сердце колотится, но я уже на автомате начинаю с Torock — ноги скользят по линолеуму, тело ловит ритм. Поначалу немного волнуюсь, но быстро отпускает — и вот я уже кайфую.

Перехожу на Footwork, делаю «шесть шагов», база на пятерку. Перехожу на Air Flare. Ох, мои ручки, держите меня, ноги в шпагате, делаю вращения, все как по книжке. Power Move сложный, но я справляюсь (спасибо восьми годам в айкидо, трём в брейке). Добавляю немного Twist и Swipes — фууууух. Хорошо, что я легкая иначе тяжело пришлось бы моим женским бицепсам и трицепсам. Возвращаюсь к Footwork, чтобы отдышаться, где там мои двенадцать

шагов. Еще пара оборотов — и снова Торжок. Где нужно скольжу, где нужно прыгаю, не забываю о ритмике и пластике. Пора закругляться. Заканчиваю Air Baby Freeze, не особо сложно, но смотрится эффектно, и ухожу под хлопки и улюлюканье.

— Молоток, Улька! — хлопает меня по плечу Ваня.

Я улыбаюсь, но внутри — гордость. Да, я молодец.

Время пролетело быстро. Нас десять человек, так что между выходами можно перевести дух. Когда закончили, уже стемнело. Разделили заработок, начали собираться.

Я стою в сторонке, пью воду, пыхчу как паровоз. Пот течет ручьем, волосы мокрые, но я довольна. Ну почти. Если не считать, что мои ноги и руки сейчас подают сигналы SOS.

И вдруг — чья-то тяжелая рука ложится мне на плечо.

— Эй, пацан...

Этот голос! Медленно оборачиваюсь — и выхожу в осадок. Передо мной стоит ОН. Тот самый мужик (хотя какое там мужик, парень, причем красавчик), которому я помяла дверцу машины коленками и скейтом.

Я в шоке. По его лицу видно, что он тоже.

От неожиданности выплёвываю воду прямо на него. Он стоит, обтекает, весь такой лощёный красавчик... и теперь ещё и в моих слюнях. Новый тренд — «мокрый гламур».

— Ты следишь за мной?! — вырывается у меня писклявый вопль.

— Больно надо! Хотя разговор есть...

«Знаем мы эти разговоры!» — мелькает в голове. Обычно они заканчиваются фразой «а теперь заплати за ремонт» или «где твои почки».

Валить.

Срочно.

Брейкеры меня не сдадут, в этом я уверена. Но вот в своих ногах после пятичасового джема — нет. Я выжата, как лимон.

— У меня нет с тобой разговоров! Вали, дядя! — огрызаюсь, хотя сама чувствую, как коленки дрожат, а сердце вот-вот выскочит.

— Чегооо?! — он буквально закипает. Глаза сверкают, ноздри раздуваются — кажется, сейчас задымится. — Как ты меня назвал?!

Надо бежать. Только делаю шаг назад — а он хватает меня за рукав.

— Отпусти! — дёргаюсь, но бесполезно.

План Б: удар в колено.

Уже замахиwaюсь ногой, но этот громила оказывается проворнее — отскакивает так, что мои короткие ноги достают только до его ботинка.

— Неа, братан, второй раз не прокатит! — ухмыляется своей белозубой улыбкой. Темная прядь волос свисает на лицо, в голубых глазах мелькает какая-то дичь.

Чёрт. Почему Москва такая маленькая. И что мне делать...

И тут озарение.

Собрав последние крохи сил, я упираюсь ладонями в его грудную клетку (твёрдую, как дубовая доска, чёрт возьми) и делаю резкий рывок назад с сальто!

"Господи, пусть получится!"

И - о чудо! Мой измученный тренировками и сегодняшним джемом организм послушно выполняет команду. Воздух свистит в ушах, мир переворачивается с ног на голову, и...

БАМ!

Мои потрёпанные кроссовки со всей дури встречаются с его гордым римским профилем. Раздаётся сочный хруст (надеюсь, это не перегородка), и алые капли украшают его футболку.

На секунду замираем. В его взгляде — шок, неверие и что-то ещё... Но мне не до психоанализа.

Включается режим чистой паники - адреналин бьёт в виски, в ушах звенит, все мышцы напряжены до предела.

Пока он соображает, что вообще произошло, я уже рвусь прочь с места преступления. Ноги несут сами - видимо, срабатывает древний инстинкт "бей или беги". В данном случае явно вариант номер два.

Бегу, как загнанная лань, петляя между туристами, обходя лужу (последнее, что нужно - поскользнуться сейчас!), перепрыгивая через какие-то коробки. Где-то сзади слышу крики его друзей: «Тим! Ты как?», «Ох**ть!».

Но я уже растворяюсь в вечерней толпе. Главное - не оглядываться... не оглядываться...

Хотя... наперекор собственному здравому смыслу я всё-таки оборачиваюсь в последний раз.

Картина маслом: Помятый красавчик стоит, запрокинув голову, зажимая окровавленный нос салфеткой. Его друзья суетятся вокруг. Но самое прекрасное — здоровенный детина в камуфляжной футболке, штанах цвета хаки и берцах колотит его по плечу, согнувшись пополам от хохота.

— Братан, тебя... тебя... — он буквально задыхается от смеха, — ...эта креветка в кроссовках сделала из тебя кровавое месиво!

Его ржание разносится по всей Никольской улице, перекрывая даже шум толпы. Даже какие-то туристы начинают снимать это представление на телефоны.

Я задерживаюсь на секунду — ровно настолько, чтобы увидеть, как красавчик, всё ещё зажимая нос, посылает меня в воздух самым грязным жестом. Но в его глазах читается не злость... а какое-то дьявольское уважение.

Разворачиваюсь и растворяюсь в толпе. Пусть теперь объясняет друзьям, как девяностопятикилограммового мачо уложила на асфальт девчонка (хотя он об этом даже не знает!) ростом с пятый класс.

Глава 5

Тимур

Парни гогочут, как будто я им запас анекдотов на год вперёд выдал.

Особенно старается Бодя — конченный тролль.

— Ты уверен, что у тебя МС по тхэквондо? — ехидно шуруется он, размахивая перед моим лицом салфеткой с пятнами крови. — Может, всё-таки по шашкам? Или там... по вышиванию крестиком?

Ну прям Comedy Club. Мля...

Санек внешне сохраняет олимпийское спокойствие, но по дрожащим уголкам губ видно — еле сдерживает хохот. Особенно веселит его момент, когда пришлось рассказывать историю нашего «знакомства» с этой мелкой заразой.

— Ну так что, - давится смехом Санек, - пацан, получается, тебе снова "привет" передал? В прошлый раз — машинно-коленный, теперь — лицо-кроссовочный. Интересно, что будет в следующий раз? Может, стоит ракушку начать носить?

Марк, хоть и проявил подобие заботы, моментально раздобыв ледяное пиво для моего пострадавшего носа (откуда он его взял - загадка), тут же продемонстрировал свою истинную сущность, выдав перл:

— Да отстань ты от пацана, сам виноват!

О, великодушие!

— Bravo, "адвокат дьявола"! — саркастически аплодирую. — Ты прямо ангел-хранитель, только почему-то на стороне оппонента!

В этот момент я понимаю весь масштаб катастрофы: нос разбит; репутация (если она вообще еще есть) растоптана хуже, чем газон у дома; вечер пятницы превратился в сеанс групповой психотерапии с элементами буллинга.

— Всё, идите нахер, — мрачно заявляю я, допивая пиво. Нос, конечно, не подарок, но могло быть и хуже — мог сломать. А так...

— О, — оживился Бодя, — Мы-то пойдем, да только кто тебя до дома проводит?

Вот ведь гад.

Достаю телефон, вызываю такси. Прогулка моя на сегодня закончена, как и мои шансы выглядеть прилично в ближайшие дни.

Как теперь в таком виде баб ловить? Придётся по старым запасам шарить.

В такси листаю контакты:

Светка — мимо. В прошлый раз устроила истерику:

— *Тимурчик, ты так редко звонишь! Мне без тебя так одиноко!*

Ага, «одиноко». Одиноко её кошелечку без моего пополнения. Рестораны, шмотки, салоны — везде нужен спонсор. Я, конечно, не скупердй, но баба должна хотя бы на суши себе зарабатывать, а Светка в последнее время как-то «недорабатывает». Искра погасла, страсти нет — даже пельмени разогреть лень.

Лидка — тоже мимо. И борщ варит, и котлеты лепит. Готовит «бомбезно», но есть нюанс — хочет замуж. Причём исключительно за меня. После каждого «романтического вечера» начинает:

— *Дорогой, представляешь, какие у нас дети будут? Четыре сыночка и лапочка дочка! Все в тебя — высокие, крепкие, с твоими голубыми глазками!*

Какие детки?! Какая лапочка?! Я на одного себя-то с трудом соглашаюсь!

Татьяна (мать её Олеговна) — полный атас. Дочь маминой подруги — это приговор. Один раз в кино сходили, а теперь она мне практически каждый день пишет:

— *Тимурочка, ты же не против, если я тебя Тимурочкой называю? Мы ведь так близки!*

Нет, Танюш, мы не близки. Мы вообще не знакомы.

Настенька, Аллочка, Дашенька... Нет, сегодня этот «тройничок» мне не по зубам.

Вывод: Сегодня — женский детокс.

До дома долетаем минут за двадцать — ночная Москва к этому располагает. Водитель, судя по стилю езды, либо бывший гонщик, либо человек, у которого дома остался кипящий чайник — но мне не жаловаться. Чем быстрее, тем лучше.

Возвращаюсь домой с носом цвета спелого помидора и самолюбием, растоптанным в пыль. Что за абсурд творится в моей жизни? Этот пацан с весом меньше моего завтрака... Неужели это карма за все те бутылки, что я в молодости не донес до урны?

Ну серьезно! Он же такой шуплый — мне бы одного удара хватило, чтобы он пускал слюнки в нокауте. А по факту второй раз подряд слюни пускаю я.

Подхожу к зеркалу, осматриваю свой новый «фейс» — ни дать ни взять, боксер после 12 раунда с Тайсоном. Хорошо хоть пятница — есть целых два дня, чтобы вернуть себе человеческий облик. Иначе на работе меня ждёт триумф (и это очень мягко сказано). Весь такой лощёный, харизматичный, атлетичный (ну а что, скромность — не мой конёк), помощник начальника военной прокуратуры... И с носом, как у гориллы после особенно жаркой драки за самку.

На всю прокуратуру прославлюсь, да что там — на всю Генпрокуратуру! Хохот разнесётся от Москвы до самой Хабаровской тайги.

От мрачных мыслей меня отвлекает мой боевой конь, то есть пес. Не просто собака, а верный страж, который, судя по всему, уже давно ждал момента моего появления.

«Все понятно», — мысленно вздыхаю я.

— Ну что, гулять? — спрашиваю у рыже-белого комка энергии, который уже всю крутится в прихожей.

Ответ очевиден. Хвост метёт пол, в зубах — поводок. — всё его существо орёт: «Хозяин, ну сколько можно тупить? Бежим уже!».

Натягиваю потрёпанное худи, кепку (чтобы не пугать прохожих своим «уставшим» лицом) — и мы вываливаемся на улицу.

Ночная Москва встречает нас прохладой и ленивым светом фонарей. Воздух пахнет весной. Над головой — серое небо, будто натянутое на каркас из проводов.

Пацан несётся вперёд, как торпеда, то и дело оглядываясь: «Не отставай, старик!». Он, конечно, не может пройти мимо каждого куста. То метит территорию, то нюхает следы других собак, то вдруг замирает, учуяв что-то невероятно интересное в траве.

Мы подходим к знакомой площадке для выгула собак. Сегодня в Серебряный Бор не тянет — слишком далеко, да и с такой физиономией лучше быть поближе к дому.

— А ну-ка, давай! — кидаю мяч.

Он несётся за ним, как угорелый, лапы мелькают, уши развеваются на ветру. Ловит, гордо возвращается, но отдавать не спешит — мол, догоняй сначала.

Мы с Пацаном — как супружеская пара после 20 лет брака. Всё выходные — не разлей вода. В воскресенье, правда, пришлось его бросить — зов природы оказался сильнее.

— Ну ты держись тут, — похлопал я его по холке. — Я ненадолго.

Пацан посмотрел на меня так, будто знал, что «ненадолго» — это минимум до утра.

Дело в том, что на утренней прогулке с Пацаном познакомился с бегуньей Викой. На удивление она не испугалась моего внешнего вида.

— Ой, а что это у тебя? — ткнула она пальцем в мой фингал.

— Демонстрация мужской силы, — брякнул я наугад.

— О, балдею! — засмеялась она.

Где она разглядела "мужскую силу" в синяке на пол-лица — загадка. Но факт остаётся фактом: не испугалась.

Я всегда был ценителем классики: высокие, длинноногие, с фигурой, от которой у мужиков скулы сводит, и с таким количеством мыслей в голове, чтобы хватило на выбор между "эспрессо" и "капучино". Идеал, одним словом.

Вика же была полной противоположностью.

Метр с кепкой в прыжке, но с такими аппетитными формами, что даже самый закоренелый сторонник модельной внешности задумался бы о смысле жизни. А уж её характер — это отдельная песня. Веселая, озорная, с искорками в глазах, которые явно намекали: "Скучно со мной точно не будет".

— Ну что, вечером кино? — неожиданно для себя предлагаю ей, поймав её заразительный смех.

— А давай! — она щурится, и я понимаю, что под "кино" мы явно подразумеваем что-то разное.

Заехал за ней.

Она открыла дверь в лёгком платье, которое оставляло простор для воображения, и я сразу понял: до кинотеатра мы не доедем.

— У меня дома есть Netflix, — говорит Вика, проводя пальцем по моему плечу.

Фильм мы, конечно, "смотрели".

Если быть точным, то успели оценить интерьер её квартиры: коридор (быстро), спальня (более детально), ванная (с элементами акробатики).

— Ты же говорил, что в кино хочешь! — смеётся она, когда мы наконец делаем паузу.

— Так это и есть кино, — отвечаю я, переводя дух. — Жанр — эротическая комедия. Рейтинг — 18+. Главные герои — слегка уставшие, но довольные.

Хорошая девчонка, понимающая. С чувством юмора. И, судя по всему, у неё действительно был безлимитный абонемент на все сеансы.

Возвращаюсь домой.

Пацан встречает меня взглядом, в котором читается: "Опять?"

— Не ревнуй, — говорю я, почёсывая его за ухом.

Глава 6

Уля

Выходные пролетели — не успела моргнуть. Пятничный инцидент я постаралась запихнуть в самый дальний угол памяти. Ирония судьбы — в миллионной Москве умудриться дважды наткнуться на человека, которого видеть не хочется. Кому расскажи — не поверят.

Суббота и воскресенье — марафон учебы. В понедельник стартует выпускная сессия в МССУОР №2. Три года я учусь на педагога по физкультуре и спорту, а мечта — поступить в Московскую государственную академию физкультуры и стать тренером по брейк-дансу.

Да, я не принцесса и не жду принца на розовом пони, скачущего по разноцветной радуге. Я хочу открыть свою школу и учить людей танцевать. А для этого надо учиться самой.

Сижу, листаю учебник, жую кислое яблоко — идеальный баланс между пользой и мучением. На небе уже зажигаются первые звёзды.

Ночью просыпаюсь от того, что все тело ноет. Неудивительно — спала сидя, используя учебник как подушку. То ещё удовольствие. Разбираю кровать и принимаю горизонтальное положение — никаких билетов, только сон.

Утром встаю бодрая, с уверенностью, что всё сдам. Натягиваю черные карго, белую рубашку (экзамен требует дресс-кода, а я его почти соблюдаю). Короткие волосы блестят (вчера помыла — видно же!), глаза без косметики (мне и так хорошо, голова-то чистая!) сияют уверенностью.

Быстро умываюсь, закидываю в рот бутерброд с сыром (почти гастрономический подвиг), запиваю сладким чаем и вылетаю во двор.

Солнце жарит, сирень благоухает, внутри — уверенность, что я всё смогу. Пашка, старший брат, встречает у подъезда. Весь потный, с наушниками в ушах, только что с пробежки. Хлопаю его по руке — даю «пятюню» и спешу к метро.

Метро не подводит, 30 минут — и я на месте. Просторное фойе училища встречает прохладой и толпой студентов с дикими глазами. Сессия, а халява так и не пришла — сколько её ни вызывали наивные первокурсники.

Захожу в аудиторию. Счастливчиков, как я, ещё человек пятнадцать. По одному берём билеты. Мне везёт — достаётся несложный. Пишу тезисы (почерк, конечно, как у врача скорой помощи), отвечаю — и вуаля, заслуженная пятёрка!

Преподаватели меня знают и любят (я одна из тех, кто действительно учится, а не просиживает родительские деньги).

Кладу зачётку в рюкзак, собираюсь уходить...

И тут — БАМ!

В кабинет врывается делегация из трех человек в сопровождении декана:

Мужик-круглик в форме (по аудитории идёт гул: «Что военком тут забыл?»).

Щуплый тип в очках, с портфелем и спиной-вопросительным знаком (видимо, ответственный за моральное давление).

И третий...

КОШМАР.

Да кому и что я сделала, что этот бумеранг уже в третий раз прилетает мне в лицо?!

Передо мной предстаёт персонаж моего ночного, утреннего, дневного и вечернего кошмара.

В зелёной форме.

С ухмылкой на губах.

С холодом в глазах.

Над девятнадцатилетними неокрепшими умами возвышается...

Тот самый громила, которому я в пятницу зарядила прямо в нос.

Мне капееееец.

Он меня видит.

Я его вижу.

Кажется, что никого кроме нас нет. Воздух электризуется, того и гляди молнии сверкать начнут.

И тут он говорит:

— Ну что, товарищи студенты, слабая половина может уйти, а из остальной половины будем делать сильную.

И как зыркнет на меня.

Я подскочила, схватила рюкзак и бегом к двери. Глаза в пол, по спине пот, в груди - узел напряжения. Прохожу мимо громилы, выход уже рядом, ещё чуть-чуть — и я на свободе! Тут чувствую, как меня хватают за рюкзак и тянут назад. Оборачиваюсь. Этот гад схватил меня и держит, как нагадившего котёнка. Вот ведь...

— Я же сказал: «Слабая половина может уйти».

Пытаюсь что-то сказать, но от волнения и страха начинаю мычать. На подмогу приходит преподаватель.

— Уважаемый, оставьте студентку Петрову в покое, пусть девушка идёт по своим делам.

— Посмотрел на меня педагог. — Ступай, Улечка, всего хорошего.

Голубые глаза громилы расширяются до небывалых размеров — того и гляди выкатятся. На заднем фоне слышится смех и поддразнивания. Рука отпускает мой рюкзак, и я выбегаю из аудитории.

Всё. Я в аду.

Тимур

Благодаря Вике понедельник я встретил в отличном настроении. Тем более, день не обещал быть напряжённым. Руководство решило сослать меня к студентам в какое-то спортивное училище — я не вникал, главное, не детский сад, а то у меня с малышами отношения сложные: они плачут, я нервничаю.

Моя задача — совместно с товарищами из военкомата провести беседу с мужской частью обучающихся, чтобы они воспылали желанием отдать год жизни армии. Ну или хотя бы перестали так яростно прятаться от военкомата.

Вхожу в образ. Надеваю форму, хватаю папку, закидываю в рот жвачку и выхожу. Во дворе ждёт служебный автомобиль. Доехали, немного потолкавшись в пробке — видимо, кто-то тоже спешил на встречу с военкоматом, но в обратном направлении.

На месте уже два «ждуна» из военкомата и один декан (факультет не запомнил — у меня в голове только важная информация: где поесть, где поспать, с кем по***я). Один — круглый, как колобок, но без шансов на побег. Второй — длинный и шуплый, будто его лично отбирали для роли «жизнь после диеты».

Быстро доходим до аудитории — оказывается, студенты сдают экзамен. Вот везунчики! И так стресс, а тут ещё мы, как три ангела возмездия, только без крыльев, зато с повестками.

Заходим. Студенты притихли. Декан что-то вещает, а я в это время изучаю аудиторию.

Ого, да тут целый цветник!

Вон ангелочек с голубенькими глазками — моргает так, будто передаёт азбукой Морзе: «я ваша на веки». Рядом чернявая — смотрит на меня, как на последнего мужчину перед апокалипсисом.

И тут... стоп.

Кто это там прячется? Глаза в пол, лицо в ладошках — стандартная поза «если я не вижу его, то и он меня нет».

Смотрю в упор. Пацан поднимает глаза — БАМ!

Наши взгляды встречаются. Фейерверк.
Да не может быть!

В метрах десяти от меня сидит и бледнеет то самое чудо-юдо, которое недавно попыталось перекроить мне лицо. Теперь в его глазах — шок и паника.

Подходит моя очередь говорить. Делаю самое серьёзное лицо, добавляю в голос металла и выдаю:

— Ну что, товарищи студенты, слабая половина может уйти, а из остальной половины будем делать сильную.

И бросаю взгляд на «заразу». Пусть понервничает. А то взял моду помощника военного прокурора «дубасить»...

Пацан подскочил, схватил свой рюкзак и - бегом к двери! Глаза в пол, весь скукожился, как вяленый помидор в школьной столовой. Идёт мимо меня, глаза вообще закрыл.

Тут я не удержался - схватил его за рюкзак и приподнял. Висит такой, ручками-ножками болтает, точь-в-точь марионетка, у которой оборвали нитки. Говорю своим самым начальственным тоном:

— Я же сказал: «Слабая половина может уйти».

Он висит, пытается что-то сказать, но получается только «мммммм», будто чайник закипает. И тут раздаётся голос преподавателя:

— Уважаемый, оставьте студентку Петрову в покое, пусть девушка идёт по своим делам.

— И добавляет с улыбкой: — Ступай, Улечка, всего хорошего.

Мой мозг в этот момент:

**>>>[404 ERROR] ГЕНДЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ
[ПЕРЕЗАГРУЗКА СИСТЕМЫ...]**

Я смотрю на этого «ПАЦАНА» - вернее, теперь уже понятно, что «НЕ ПАЦАНА» - и чувствую, как по мне начинает пробегать мелкая дрожь. Не то от ярости, не то от дичайшего стыда. Где-то в глубине души просыпается полный словарный запас матроса срочной службы. Мля....

«Какая, нахрен, Улечка?!», - хочется закричать мне. Это же тот самый дрищ, который мне в пятницу нос расквасил! И он... то есть ОНА оказывается девчонка! В аудитории уже слышны приглушённые хихиканья и шёпот: «Он её за парня принял...»

Медленно, очень медленно разжимаю пальцы. Моя «добыча» с лицом цвета свекольного борща выскальзывает из аудитории, оставляя меня наедине с осознанием, что теперь я стану легендой училища.

Всё. Я не просто в аду. Я в том его специальном отделении, где чертей поджаривают на медленном огне за особенно эпичные провалы. Моя работающая с перебоями интуиция подсказывает мне, что я обязательно увижу её в четвёртый раз. Потому что такова моя карма.

Глава 7

Тимур

Всю неделю я ходил, как зомби после ночного дежурства. Только вместо тяги к человеческим мозгам меня мучил один-единственный вопрос:

КАК ТАКОЕ ВООБЩЕ ВОЗМОЖНО?!

Этот "тот самый пацан" — оказался... девушкой.

ДЕВУШКОЙ, Карл!

Я, Тимур "Железный Кулак" Смирнов, действующий помощник военного прокурора, выпускник Военного университета имени князя Александра Невского, мастер спорта по тхэквондо — устроил разборки с девчонкой ростом с мой локоть и весом меньше моего спортивного рюкзака.

— Как я мог не заметить?! — мысленно орал я, в сотый раз прокручивая в голове тот момент.

Ну ладно:

Короткие волосы — бывает.

Точный удар с ноги по рёбрам — везение.

Брейк-данс — не самый женский спорт.

Но как можно было не разглядеть, что это НЕ ПАЦАН?!

Я представлял себя таким крутым альфа-самцом, защищающим честь мундира... А на деле получился здоровенный бык, нападающий на котёнка. Мля...

Мне еще повезло, что она так лихо от меня убежала. Если бы я её догнал и реально начал "воспитывать", как планировал... Даже думать страшно. Это был бы не просто конфуз — настоящее пятно на репутации размером с Красную площадь.

— Надо бы извиниться...

Мысль настолько противоестественная для моего эго, что мозг тут же попытался её заблокировать. Но совесть (оказывается, она у меня есть!) настойчиво твердила:

"Ты же не подонок в конце концов. Наорал, напугал... Не по-пацански!"

От этих грустных размышлений меня отвлек звонок. "Мама" — светилось на экране.

Я внутренне сжался. Моя горячо любимая матушка звонит в двух случаях:

Чтобы сказать, что я лучший сын на свете (1% вероятности)

Устроить допрос с пристрастием о моей личной жизни (99%)

— Тимурчик, как дела? — началось всё невинно.

— Нормально, — буркнул я, уже чувствуя подвох.

— Тимурчик, а ты когда к нам в гости приедешь? Так по тебе скучаю!

Ага, "скучаю". Перевод с мамского: "Когда уже внуков подаришь?"

— В ближайшие выходные планировал. Что-то случилось? — насторожился я.

— Нет-нет-нет! — затараторила маман. — Просто именно в эти выходные (совершенно случайно!)

"Ага, конечно", — мысленно фыркнул я. "Совпадение уровня "я просто проходила мимо роддома".

— ...у нас в гостях будет моя давняя институтская подруга.

— И наверное не одна? — усмехнулся я.

— Ты угадал! — счастливо продолжила она. — Со своими дочерьми!

Мне труба, подумал я. Одна дочь — ещё куда ни шло, но несколько? Это же как стая голодных стервятников накинута!

— Да ты что?! — самым неискренним удивлением воскликнул я. — Как неожиданно!

— А они такие чудесные! — восторженно продолжила она. — Представляешь, три сестры, три красавицы: Даша, Маша...

— ...и Глаша? — едва сдержал смех я.

— Почему сразу Глаша?! Саша! Александра!

— Александра, Александра... Этот город наш с тобой! — запел я всем известную песню.

— Не паясничай! — нравоучительно проговорила маман. — Ждём тебя в субботу в 18:00.

— Мааааам...

— Не "мамкай"! — перебила она. — При твоей-то должности, с твоей-то внешностью... Да ты же мог бы хоть десять девушек на выбор иметь! Тебе уже 22... Я внуков хочу!

А вот и старая пластинка заиграла.

— Мам, ну какие внуки? Мне ведь не 42, а всего 22! Я сам ещё не до конца вырос, какие дети?!

— Ах, вот как?! — голос матери стал ледяным. — Ты что, мне внуков не хочешь подарить?

Тактическая ошибка. Пора переходить в контратаку.

— Хочу, но попозже! А любимая девушка у меня уже есть! — тут я непроизвольно вспомнил "мелкую заразу". Ну а что?

Девушка — стремная немного, но девушка.

Брейк-данс — у всех есть свои изюминки.

Нос мне разбила — значит, можно на чувстве вины сыграть.

Идеальный кандидат в невесты? Ответ очевиден!

— О-о-о! — шокированный голос маман. — А кто она? Как зовут? Где учится?

Мозг лихорадочно заработал.

— Эээ... Ульяна Петрова. Брейк-дансом занимается. Учится в спортивном училище, — выдал я краткий отчёт.

— Брейк-дансом?! Учится в спортивном училище?! — мама слегка охладела. — Ну... ладно. Главное, чтобы девушка хорошая была.

— Очень хорошая! — уверенно заявил я. — И мне очень нравится.

Пауза.

— Значит, привози свою "очень хорошую" девушку в эту субботу. Будем знакомиться.

Мозг начал лихорадочно соображать:

Где мне за три дня найти эту Ульяну?

Как уговорить её пойти на ужин к моей маме?

Что делать, если она снова начнёт бить меня по рёбрам?"

— Я подумаю.

— ...ЧТО?!

— Ничего, мам, шучу.

— Если не привезешь — будешь ужинать с Дашей, Машей и Глашей... тьфу, Сашей. — голос матушки зазвенел сталью. — С каждой. В отдельности.

Затем тон внезапно смягчился до медового:

— До субботы, дорогой. Береги себя.

— И ты себя береги!

Тяжелые мысли, как назойливые мухи, кружили в моей голове всю неделю. Каждый день начинался с одного и того же — я просыпался, смотрел в зеркало на свой почти заживший нос и снова прокручивал в голове тот злополучный день.

"Как же так вышло?" — этот вопрос преследовал меня даже во сне.

Работа не спасала — в военной прокуратуре дел было по горло, но даже строгий график и куча бумаг не могли полностью отвлечь меня от навязчивых размышлений.

К счастью, Вика оказалась не только веселой, но и по-настоящему чуткой девушкой. Пару раз за эту непростую неделю она спасала меня от мрачных мыслей, приглашая на свои фирменные "кино-вечера".

— Ну что, сегодня смотрим боевик или комедию? — подмигивала она, открывая дверь в своем коротком халатике.

— А можно документальный? — ехидно уточнял я. — Про выживание в экстремальных условиях.

— О, у меня как раз есть кое-что похожее, — смеялась она, заталкивая меня в спальню. После таких вечеров напряжение хоть ненадолго, но отпускало.

А вот мой верный "боевой конь" — пес Пацан — жил своей обычной жизнью, совершенно не заморачиваясь ни моими переживаниями, ни моей репутацией.

Каждое утро начиналось с его нетерпеливого поскуливания у кровати:

«Ну че, хозяин, гулять будем или как?» — словно говорили его преданные глаза.

Я ворчал, натягивал спортивные штаны и шел с ним на площадку, где он, как заправский атлет, носился между турниками, закапывал мячи в кустах и с важным видом обнюхивал каждую новую собаку в округе.

— Ну что, сегодня тоже будешь показывать мастер-класс по вису на перекладине? — подтрунивал я, наблюдая, как он лихо запрыгивает на лавку.

Пацан в ответ лишь вилял хвостом, явно гордясь своими достижениями.

Но как бы я ни отвлекался, мысль о предстоящей встрече с матерью и "невестой" Ульяной не давала покоя.

— Ну и как ты собираешься ее искать? — спрашивал я себя, глядя в потолок перед сном.

— Может, просто прийти в то училище и ждать? — размышлял вслух, на что Пацан только зевал, явно не разделяя моих тревог.

— Или написать объявление: "Разыскивается девушка, сломавшая мне нос. Вознаграждение — знакомство с моей мамой"?

В глубине души я понимал — так просто от мамы не отмахнешься. Ну что, Ульяна Петрова. Четвёртая встреча у нас не за горами. Пора тебе ответить за мои рёбра. Ну и за нос. "Девочку"... так уж и быть, прощу.

Глава 8

Тимур

Раздобыть телефон Ульяны Петровой оказалось проще, чем я думал.

Я нашел того самого декана, который представлял меня и военкоматовских перед студентами. Мужик оказался сговорчивым — особенно после того, как в его папку с документами случайно затесалась рублёвая купюра.

— Хочу извиниться перед студенткой Петровой за ту неловкость, — бодро соврал я.

Декан хитро прищурился, но номер (и даже адрес!) мне выдали. Удовольствие получили оба: он — бумажку, я — скорость исполнения своего желания. Бюрократия, спасибо за гибкость!

На карте адрес выглядел как типичная московская окраина — не трущобы, но и не элитка. Вот где вылупляются Ульяны Петровы, подумал я.

Добирался из центра минут 40. Моя «Девочка» припарковалась у ничем не примечательной пятиэтажки. Двор чистый, машин немного, деревья ветвистые, коты спокойные. Решил подождать у подъезда. Интуиция (да-да, она у меня иногда срабатывает) подсказывала, что девчонка скоро появится.

Ждал около часа.

И вот — ОНА.

На скейте, в серой толстовке, спортивных штанах и кепке, с рюкзаком набекрень. Моя будущая девушка (которая, конечно, еще не знает о своем внезапном счастье) катила ко мне, даже не подозревая, что сейчас её жизнь изменится.

Когда девушка поравнялась с моей машиной, я плавно открыл дверь и вышел, перекрывая ей путь к подъезду.

— Ульяна... — произнес я максимально нейтрально.

Она резко остановилась, будто наткнулась на невидимую стену. Её глаза округлились до размера пятирублевых монет.

— Ты что тут делаешь?! — выпалила она, сжимая рюкзак так, будто собиралась швырнуть его мне в голову.

Я постарался изобразить на лице самое невинное выражение, какое только мог:

— Привет! Я тут подумал... Может, познакомимся нормально? Без драк и оскорблений?

Ульяна медленно подняла бровь. Взгляд её ясно говорил: «Ты вообще в своём уме?»

— Зачем мне это? — фыркнула она, явно не впечатлённая моим обаянием.

— Ну как зачем? Ты мне дважды увечья нанесла, — парировал я. — Неужели совесть не мучает?

— Не особо, — невозмутимо ответила эта зараза.

— Чуть рёбра мне не сломала — воскликнул — Я, между прочим, страдал! А что с носом сделала? У меня, между прочим, личная жизнь под откос пошла (ну почти — это я, конечно же не стал говорить)!

— Ну и что ты хочешь? — скрестила руки на груди Ульяна.

— Для начала услышать простое человеческое «извини».

— Ну извини, — съязвила она и уже потянулась к дверной ручке.

— И это всё?! — возмутился я.

— А что ещё? Если денег хочешь, то у тебя этот номер не пройдет. Сначала докажи, что эти увечья, вообще, были, потом докажи, что это я их причинила, — завелась она.

Я закатил глаза:

— Да ничего я доказывать не буду. Я вообще с девчонками не связываюсь.

— А что тогда? — настороженно спросила Ульяна.

— У меня к тебе просьба есть.

Она открыла было рот — видимо, чтобы меня послать куда подальше, но я поспешно добавил:

— Небольшая и взаимовыгодная!

— Просьба? И какая же? — язвительно протянула она, но на лице появилась явная заинтересованность.

— Ну не здесь же объяснять. Пойдём, я тебя «вкусняшкой» угощу, заодно и поговорим.

Ульяна сузила глаза:

— Приставать будешь?

— К тебе? — я не сдержал смеха, но, увидев её мрачное лицо, поспешил добавить: — Нет.

— Почему же? — фыркнула она.

— Скажем так, ты не в моём вкусе. Совсем не в моём.

— Ты тоже не герой моего романа, — парировала эта зараза.

Мы устроились в забегаловке быстрого питания — в одном из тех мест, где черную жидкость в пластиковых стаканчиках гордо называют «эспрессо». Я, опасаясь за свое пищеварение, заказал гранатовый фреш, а Ульяна...

Ох уж эта мелкая бестия! Развела меня на первое, второе, компот и десерт. Видимо, решила компенсировать моральный ущерб через мой кошелек.

Когда Ульяна расставляла свои яства на столе, ее лицо буквально светилось от счастья. Зеленые глаза — точь-в-точь как у кота, нашедшего валерьяну — горели хищным блеском.

— Ты что, неделю не ела? — не удержался я, наблюдая, как она набрасывается на суп.

— С утра только йогурт, — буркнула она, не отрываясь от тарелки.

Я тем временем разглядывал свою «будущую девушку». Невысокая, худенькая, с явным отсутствием гендерных отличий. Либо там у нее еще не созрело, либо девчонке просто не повезло с генами. Темные волосы каре едва доставали до ушей, а длинная челка постоянно норовила закрыть правый глаз. Впрочем, когда она его приподнимала, взгляд был таким острым, что, кажется, мог резать стекло. Смотреть зараза умела — как будто аппарат МРТ.

Когда Ульяна добралась до десерта (уничтожив по пути все, что было на столе), я решил перейти к делу.

— Ну что, Ульяна Петрова, — начал я, — теперь, когда ты съела половину моего месячного бюджета, можно поговорить?

Она подняла на меня взгляд (наконец-то оторвалась от еды!) и усмехнулась:

— Говори. Я сейчас сытая и добрая. Хотя... — ее глаза сузились, — ты не находишь, что мы в неравных условиях? Ты обо мне знаешь кучу всего, а я про тебя только то, что ребра у тебя крепкие, а реакция... хм... оставляет желать лучшего.

— Тимур, — представился я. — 22 года, холост, обаятелен и горяч....

— Ну и что нужно такому обаятельному и горячему дяденьке от меня?

Я глубоко вздохнул:

— Мне нужно, чтобы ты... стала моей девушкой.

Ульяна закашлялась, подавившись чаем, и выплюнула половину обратно в чашку. Ну и манеры!

— Фиктивно! — поспешно добавил я. — понимаешь Ульяна, моя горячо любимая матушка при всех своих положительных качествах обладает одним ну очень уж отрицательным. Она очень хочет меня женить, а потом хочет еще и внуков. А я такую многозадачность в данный конкретный период времени не осилю. Я существо полигамное и остановится на ком-то одном для меня задача непосильная. Будешь появляться со мной на семейных мероприятиях — милая, скромная, с глазами ангела. Я буду смотреть на тебя томно, ты на меня — нежно. Ну там, за ручки подержимся, может, даже...

— Даже что?! — резанули меня зеленые глаза.

— Ой, да ладно! Только за ручки подержимся, ну еще максимум поглажу тебя по руке, плечу, спине! За каждое такое мероприятие — пять тысячи рублей.

— А почему не десять? — тут же заартачилась она.

Я скривился:

— Потому что я не сын олигарха! Хотя и кручусь в тех же кругах, но в карманах у меня не богатства родителей, а оклад по должности помощника военного прокурора.

— Так взятки бери!

— Да я бы с радостью, но не дают, — притворно вздохнул я.

Ульяна задумалась, облизывая ложку от десерта.

— И сколько таких... мероприятий?

— Ну, несколько раз в месяц.

— Согласна! — неожиданно выпалила она.

Я даже подпрыгнул от неожиданности.

— А где же «я подумаю»? — подколот я.

— А чего тут думать? Ходи себе, рябчиков с ананасами уплетай, глазами хлопай, а денежки будут капать. Мне чтобы такую сумму брейком заработать, нужно попотеть, а тут одно удовольствие, а не работа. Кроме этого, есть у меня одна мечта, — загадочно ответила Ульяна.

— И какая же?

— Не скажу. А то не сбудется.

— Ну тогда... по рукам?

— По рукам, — она крепко сжала мою ладонь. — Но чур без сюсюканий! И если сунешься с поцелуями — получишь хуком справа. У меня он, кстати, отлично поставлен.

Моя рука тут же дернулась к носу. Вот ведь зараза!

Я представил реакцию родителей при появлении Ульяны у них в особняке и про себя залиvistо заржал. Отец — кремень, выдержит удар, а вот маменька будет в шоке, когда увидит мою «тихую скромницу».

Глава 9

Тимур

Договор был подписан, а значит — священный долг каждого уважающего себя мужчины требовал отметить это событие должным образом. Я выбрал "Бункер" — один из пафосных клубов в центре Москвы.

С составом компании, правда, вышла незадача:

Бодя — на сутках ("армия, брат, никуда не деться"). Марк традиционно слился — у него с Яной какие-то пятничные планы. Но верный Санек не подвел:

— Да без проблем, — флегматично ответил он на мое предложение. — Мне как раз нужно срочно прийти в себя после рабочей недели, проведенной рядом с мадам "33 несчастья".

"Мадам 33 несчастья" — так мы между собой называли его новую помощницу, девушку, которая за первую неделю работы успела сломать его психику. А это дело не легкое.

Клуб встретил нас как старых знакомых — густым, сладковато-горьким воздухом, где смешались запахи дорогих духов, мужского пота и дыма кальяна. Бас бил так, что грудная клетка вибрировала в такт, а световые пушки слепили глаза, выхватывая из темноты то чье-то разгоряченное лицо, то обнаженное плечо.

— Офигенная акустика! — заорал я Саньку в ухо, пробираясь сквозь толпу разгоряченных тел.

Тот лишь поднял палец вверх, соглашаясь. Санька всегда отличала эта молчаливая мудрость — он мог выразить целую гамму эмоций одним жестом.

Барная стойка стала нашим спасительным островком среди этого безумного океана.

— Завтра важный выход в свет — надо закрепить успех, — заявил я, изучая меню с ценами, от которых у нормального человека мог случиться инфаркт.

— Поподробнее? — приподнял бровь Санек.

— Давай сначала накатим, а потом я все расскажу.

Бармен, поразительно похожий на молодого Брюса Уиллиса, тут же наострил уши:

— Два сета из трех шотов? — уточнил он с профессиональным безразличием человека, который уже видел все.

— Именно так, друг. И чтоб красиво!

Через минуту перед нами красовался деревянный поднос с разноцветными рюмками — будто радуга, которую можно выпить. Каждый шот был маленьким произведением искусства:

Первый — кроваво-красный, как мои недавние грехи;

Второй — ядовито-зеленый, как глаза той самой мелкой заразы;

Третий — фиолетовый, как мой нос в первые дни после встречи с ногами той самой заразы.

— За удачу! — провозгласил я, поднимая первую рюмку.

— За удачу! — вторил Санек.

Эффект не заставил себя ждать:

Первый шот обжег горло, заставив моргнуть от резкого вкуса. Второй уже ласкал, оставляя после себя приятное тепло. После третьего мир стал таким дружелюбным, что даже бармен начал казаться старым приятелем.

— Ну, давай рассказывай, чего празднуем, — потребовал Санек, ставя пустую рюмку на стойку.

И я рассказал. Всю историю — с момента, когда эта зараза подправила мне нос на Николке, до моего шока, когда выяснилось, что пацан оказался вовсе "непацаном". Про звонок мамы и тот безумный договор, который я заключил с этой бестией.

Санек слушал, сохраняя олимпийское спокойствие. Лишь легкое подрагивание уголков губ выдавало, как ему тяжело сдерживать смех.

— Слушай, — наконец произнес он, когда я закончил. — А может, нам еще по сету взять?

— Думаешь, надо?

— Уверен.

Где-то после третьего сета мы с Саньком осознали три важные вещи:

Мы — самые крутые перцы в этом клубе;

Нам срочно нужно найти баб, которые с этим согласятся;

Завтрашняя встреча у родителей под угрозой.

Охота началась.

Я окинул зал профессиональным взглядом, мысленно оценивая каждую девушку по десятибалльной шкале. Сегодня, в моем добром состоянии, меня устроили бы 8, 9 и 10. Но, к сожалению, ассортимент явно подкачал — выше шести баллов никого.

— Ну и где тут все эти модельные внешности? — проворчал я, разочарованно откидываясь на спинку барного стула.

— Может, все нормальные девушки уже с кем-то? — философски заметил Санек.

— Или просто мы пришли не в тот клуб, — вздохнул я.

Санек тоже приуныл. Мы сидели, потягивая очередные коктейли, и наблюдали, как вокруг нас кружится этот безумный мир ночной Москвы. Вдруг мой взгляд упал на силуэт у входа...

— Сань... — я схватил друга за рукав. — Ты видишь то, что вижу я?

— Если ты имеешь в виду ту девушку в красном кожаном топе, то да, — ответил он, прищурившись.

Девчонка то, что нужно для завершения этого вечера — высокая, длинноногая, с идеальными формами, которые так и просились на обложку глянца. Безоговорочная "десятка" по моей шкале. Я уже мысленно составлял план знакомства, как вдруг...

Мой взгляд съехал чуть в сторону — и сердце екнуло.

"Да ладно, зараза!!!"

Рядом с красоткой стояла та самая Ульяна — в своей фирменной серой мешковатой толстовке с капюшоном и тех самых широких штанах, в которых она, кажется, спала, тренировалась и, возможно, даже хоронила своих врагов.

— Зараза... — шокировано процедил я.

Санек, не отрываясь от своего коктейля, лениво переспросил:

— Чего?

Я лишь показал подбородком в сторону входа.

— О... — Саня наконец заметил Ульяну и медленно выдохнул. — И каким таким магическим боком её сюда занесло?

— Самому интересно знать, — пробормотал я, чувствуя, как алкогольная эйфория начинает стремительно испаряться.

Ульяна стояла, озираясь по залу. Её взгляд скользнул по толпе, задержался на баре... и вот он — момент истины — наши глаза встретились.

Её брови поползли вверх. Мои — тоже.

Ульяна коротко кивнула мне, махнув головой в знак приветствия, но даже не остановилась. Её внимательные глаза продолжали изучать обстановку клуба с сосредоточенностью спецагента на задании. Я завороченно наблюдал, как её взгляд скользит по толпе, барной стойке, охранникам у входа... и наконец останавливается на узкой лестнице, ведущей на второй этаж.

"Куда это она?" — пронеслось у меня в голове.

Не раздумывая ни секунды, она резко двинулась вперед, ловко лавируя между пьяными посетителями. Её движения были стремительными и целеустремленными.

Я вскочил со стула так резко, что чуть не опрокинул свой бокал.

— Ты куда? — удивленно хмыкнул Санек, но я уже не слушал.

Мне до чертиков стало интересно — что за дела у нее в таком месте? Как она вообще смогла сюда попасть? "Бункер" не из тех заведений, куда пускают просто так, а её мешковатая одежда явно не соответствовала дресс-коду.

Ульяна стремительно взбежала по лестнице и исчезла за матовой дверью с надписью "Службное помещение. Вход запрещен".

— Эй, подожди! — крикнул я ей вдогонку, но мои слова потонули в грохоте музыки.

Я уже собрался последовать за ней, как вдруг дверь распахнулась снова... и передо мной предстала совершенно неожиданная картина.

Ульяна вышла мне навстречу, но теперь она была не одна. Рядом с ней стоял парень, чей вид заставил меня на мгновение замереть.

Он был таким же высоким, как и я, с темными, почти черными волосами. Его лицо с резкими скулами и легкой щетиной выглядело молодым, лет двадцати, но в глазах читалась недетская серьезность. На нем была потертая черная косуха со множеством нашивок, под которой угадывалась черная футболка. В правой руке он небрежно держал мотоциклетный шлем с наклейками различных рок-групп, а запястье левой украшали массивные часы с потертым ремешком в стиле "авиатор".

"Где я его видел?" - лихорадочно соображал я, ощущая странное чувство дежавю.

— Тимур, — неожиданно обратилась ко мне Ульяна, слегка выдвигаясь вперед, — познакомься. Это мой брат.

"Охренеть", - пронеслось у меня в голове. Я машинально оценил ситуацию: так вот откуда у нее эта боевая жилка - видимо, семейное.

— Паш, а это мой знакомый Тимур, — продолжила Ульяна, слегка растягивая слова, будто давая нам время осмотреть друг друга.

Когда он в упор посмотрел на меня, я увидел те же пронзительные зеленые глаза, что и у заразы, только в его случае они казались еще более колючими и оценивающими. Его взгляд медленно проплыл по мне сверху вниз, останавливаясь на лице, плечах, руках, будто составляя досье.

"У них что, семейное - сканировать людей вот так, будто на рентгене?" - подумал я, невольно выпрямляясь под этим изучающим взглядом.

Павел слегка кивнул мне, затем резким движением натянул кожаную перчатку на правую руку.

— Нам пора, — бросил он коротко, положив руку на плечо сестры.

Это не было объятием в привычном смысле — скорее, жест владения, защиты. Его ладонь, широкая и жилистая, почти полностью закрыла хрупкое плечо Ульяны. Я заметил, как его пальцы на мгновение сжались, словно проверяя — здесь ли она, цела ли.

Они синхронно развернулись и пошли к лестнице.

Когда их фигуры растворились в полумраке лестничного пролета, рядом возник Санек, появившийся будто из ниоткуда.

— Кто это? — спросил он, прищурившись в сторону, где только что исчезла странная парочка.

— Брат, — коротко ответил я.

Санек медленно присвистнул, переваривая информацию.

— Серьезный пацан, — констатировал он после паузы. — Бережет сестру как зеницу ока. Я кивнул в ответ соглашаясь.

Глава 10

Ульяна

Мы вышли из клуба, и ночной воздух ударил мне в лицо, резко контрастируя с душной атмосферой клуба. Паша шёл рядом, его тяжёлые армейские ботинки гулко стучали по асфальту в такт моим мыслям. Я чувствовала его изучающий взгляд — тот самый, которым он проверял масло в двигателе своей любимицы, чёрной Yamaha R1. Этот зверь ежедневно оповещал весь наш квартал о возвращении Паши домой.

Неожиданно встретив Тимура в клубе, я сначала немного растерялась. Хотя ничего удивительного в этом не было. По нему видно, что такого рода заведения ему не только по карману, но и в его стиле. Широкие плечи Тимура обтягивала светлая рубашка, рукава которой были закатаны по локоть, а тот самый фингал на переносице (моих рук дело) уже побледнел, но всё ещё напоминал о нашей встрече на Никольской улице.

Его выражение лица в момент узнавания было бесценным! Будто увидел привидение в святом месте. Глаза округлились, брови поползли к волосам, а рот приоткрылся — прямо как у того мема с удивлённой рыбой.

"Как такая как я могла попасть в такое пафосное место?" — вероятно, именно эта мысль крутилась в его голове. Если бы он только знал, что мой брат здесь работает...

Паша устроился в "Бункер" еще на первом курсе Московского политеха. Трижды в неделю он превращался в виртуоза шейкера, создавая алкогольные шедевры. Остальное время (которого катастрофически не хватало — учеба на факультете машиностроения требовала полной отдачи) он проводил в автосервисе неподалеку от дома, где с упоением копался в механизмах.

Наш отец — автомеханик от бога — недавно перебрался с мамой в Подмоскowie, открыл собственный бокс и теперь воскрешал "мертвецов" на колесах. Паша с детства впитывал не только материнское молоко, но и запахи машинных масел, бензина и солянки.

Теперь мы с братом делили родительскую трёшку на востоке Москвы. Паша, как старший, взвалил на себя все заботы о моем содержании. Я изо всех сил старалась облегчить ему финансовое бремя — его Ямаха требовала постоянных вложений, плюс коммуналка, плюс продукты... Но мои занятия брейк-дансом приносили больше удовольствия, чем денег. Уличные джемы давали копеечные призы, да и то только летом. Соревнования — лотерея: никогда не знаешь, получишь ли денежный приз или очередную пыльную грамоту.

Поэтому Паша крутился как белка в колесе: дни — лекции и лабораторные, вечера — автосервис, выходные — коктейли и пьяные посетители в "Бункере".

Иногда мне кажется, что он слишком много на себя берет. Но когда я пытаюсь завести разговор о поиске работы, он только отмахивается: "Мелкая, учись пока есть возможность. Деньги — моя забота".

Хотя, глядя на то, как он ловко жонглирует шейкерами и бутылками, я понимала — эти навыки бармена ему явно пригодятся в жизни. Особенно когда он начинает одним движением открывать пивные бутылки краем стола — этот трюк всегда приводит посетителей в восторг.

— Что за тип? — голос брата выдернул меня из размышлений, когда мы подошли к его Ямахе. Он закурил (эту дурацкую привычку я так и не смогла принять), делая это одной рукой — фирменный прием, сводивший с ума девчонок.

— Знакомый, — буркнула я, глядя, как он выпускает дым.

— Почему я о нём ничего не знаю? — голос брата приобрёл тот опасный спокойный тон, который предвещал бурю.

— А почему я должна отчитываться? — огрызнулась я, зная, что это бесполезно.

— Очень даже должна, мелкая, — он резко развернулся, прищурившись. — Я за тебя в ответе с тех пор, как родители свалили в свою коммуну. Он из твоей брейк-команды?

— Нет, мы познакомились... случайно, — я намеренно сделала паузу, наблюдая, как брат напрягается. — Он пришёл в училище читать лекцию о призыве. Из какой-то там прокуратуры. Девушек это не касалось, поэтому я не вникала.

— Ииии? — Паша выпустил дым колечком, требуя продолжения.

— Что "ииии"?

— Не беси, мелкая! — он швырнул окурок, который яркой точкой исчез в темноте.

Я вздохнула.

— Была неловкость. Он принял меня за парня. Ну и... ты понял.

Паша нахмурил лоб, так что появилась маленькая складка между бровями:

— Я же тебе говорил — хватит носить эти мешки! Ты же девушка, а выглядишь как бесполой подросток!

— Как хочу, так и выгляжу! — мои щёки загорелись от злости. Этот разговор повторялся уже в сотый раз. Мои оверсайз-кофты и широкие штаны были моей броней, моим выбором. Удобно, практично, и главное — никто не пялится.

— Ну и что он от тебя хочет? — Паша скрестил руки на груди.

Я закусила губу:

— Ну... изображать его девушку перед родителями.

Тишина. Затем Паша разразился таким хохотом, что редкие прохожие оборачивались.

— Он что, слепой?! — брат еле стоял на ногах от смеха. — Или у его родителей извращённый вкус?

— Какая разница! — я толкнула его плечом. — Главное, он платит по пять тысяч за встречу!

Смех оборвался. Лицо Паши стало серьёзным, как тогда, когда он вытаскивал меня из школьной драки:

— Ты ему чётко сказала, что интим не входит в стоимость "аренды невесты"?

— Ты совсем дурак?! — взвизгнула я от возмущения и ударила его кулаком в плечо. — Конечно сказала!

— Если будет приставать — сразу говори, — Паша снял с Ямахи мой шлем — чёрный, с забавными кошачьими ушками, его подарок на последний день рождения. — Поняла, мелкая?

— Поняла, поняла, — буркнула я, натягивая шлем.

Паша ловко запрыгнул на мотоцикл — стальную хищницу, на которую он собирал три года, откладывая с каждой зарплаты. Когда он завёл двигатель, вибрация прошла через всё моё тело — знакомое, почти родное ощущение.

Я обняла брата за талию, прижавшись к его спине. Мы рванули вперёд, и ночная Москва превратилась в размытую акварель:

Неоновые вывески растягивались в цветные линии. Огни высоток отражались в Москве-реке, как рассыпанные драгоценности.

Паша лихо вписывался в повороты, и я смеялась, чувствуя прилив адреналина. Здесь, на спине этого стального зверя, под рёв двигателя, все проблемы казались такими мелкими. Даже мысли о Тимуре, о нашей странной договорённости, о завтрашней встрече с его родителями — всё это уносилось ветром, оставляя только здесь и сейчас.

Я закрыла глаза, вдыхая знакомый запах бензина и кожаной куртки Паши. В этом хаотичном городе, в этой безумной жизни, было одно незыблемое — крепкие плечи брата передо мной и рёв его Ямахи, уносящей нас сквозь ночь домой.

Ямаха с ревом вынырнула из ночи во двор нашей хрущевки, и через пару минут мы уже поднимались на пятый этаж. Паша, как всегда, шел первым, тяжело ступая по лестнице, я семенила следом.

Ключ шелкнул в замке, и мы вошли в квартиру, которая, несмотря на свою "хрущевскую" сущность, была уютной и обжитой.

Прихожая — узкая, но аккуратная. На стене — крючки для курток, под ними — полка для обуви. Пашины ботинки всегда стоят ровно, мои кроссовки — слегка вразнобой. На зеркале — магнит с фото наших родителей на фоне их подмосковного огорода.

Гостиная в нашей квартире — самая просторная комната, настоящее семейное гнездо. Диван с мохнатым пледом, подаренным еще бабушкой на очередную годовщину родителей, помнил наши с Пашей редкие вечера киноманов, когда мы, уставшие, жевали попкорн и спорили о сюжетах фильмов.

Массивный деревянный стеллаж занимал почти всю стену от пола до потолка. Его полки хранили целую эпоху:

На верхних ярусах — классическая литература в потрёпанных переплётках, которые родители собирали по крупицам в те времена, когда книги были таким же дефицитом, как и сервелат к празднику. Толстые тома Достоевского и Толстого стояли вперемешку с собраниями сочинений зарубежных авторов.

Чуть ниже — уже наша с Пашей литература: современные романы, учебники по машиностроению, сборники по обучению азам граффити и даже несколько манга, подаренных мне одноклассницей.

На стене висели семейные фотографии, запечатлевшие наши самые счастливые моменты: Паша с отцом возле мотоцикла, я с первой грамотой за брейк-данс, все вместе на мамином юбилее. Эти снимки напоминали, что, несмотря ни на что мы — семья.

Подоконник украшала моя вечная головная боль: мамины фиалки. Я так клятвенно обещала ухаживать за ними, но, похоже, провидение решило наказать меня за забывчивость, подкинув встречу с Тимуром.

— Уль, есть там что пожевать? - донесся из ванной голос Паши, прерывая мои размышления.

— Есть, я суп с утра сварила, будешь?

— Ну давай суп, — без особого энтузиазма согласился он.

Суп — мое коронное блюдо, единственное, что я действительно умею готовить хорошо. Наша с Пашей жизнь не оставляла времени для кулинарных изысков: он — с утра в институт, потом на подработку; я — после училища мчусь либо на джемы, либо на тренировки.

Паша, как и я, неприхотлив в еде. Суп у нас мог быть и на обед, и на ужин. Иногда брат баловал меня "мясом по-французски" или моей любимой индейкой с ананасами, но такие пиршества случались только в выходные.

Мои кулинарные навыки ограничивались парой видов супов и блинами. Мама только качала головой, подсовывая мне поваренную книгу, когда я горевала над очередными "дубовыми" пирожками или сторовшим бефстроганов. А папа, вечный оптимист, ободряюще хлопал по плечу:

— Это все мелочи жизни, не расстраивайся, Улечка. Главное — чтобы в доме было тепло и уютно.

Я поставила перед Пашей тарелку с дымящимся супом, и мы молча принялись за еду. Кухня у нас маленькая, но уютная. Мама перед отъездом обновила гарнитур, так что теперь тут было светло и современно.

Белая дверца холодильника представляла собой пеструю мозаику из магнитов - настоящую летопись наших семейных путешествий. Каждый крошечный сувенир хранил свою историю:

Пластмассовые золотые ворота из нашей первой поездки во Владимир, когда Паше было десять, а мне семь. Деревянная балалайка с надписью "Суздаль" — напоминание о том, как мы всей семьей заблудились в этом старом крошечном городке и два часа искали машину.

Смешной магнит "Сочи" в виде обгоревшего туриста - его мы купили после того, как все действительно сгорели на пляже в первый же день.

Между магнитами затесались:

Счет за квартиру (давно оплаченный, но так и не снятый), расписание моих занятий и тренировок, Пашин рисунок "Наша семья", сделанный в первом классе.

Этот хаотичный коллаж из памяти и быта был нашим семейным порталом - стоило бросить взгляд на холодильник, и вот ты уже снова там: на том пляже, в том лесу, на той экскурсии...

— Чай будешь? — спросил Паша, уже наполняя чайник.

Я покачала головой:

— Душ, и спать.

Глава 11

Уля

Ровно в 17:01 под моим подъездом зарычал чёрный монстр на колёсах — машина Тимура. Казалось, этот агрегат создан не для перевозки людей, а для демонстрации превосходства над всеми, у кого нет водительских прав.

— Запрыгивай, моя «любимая девушка», — подмигнул он, открывая дверь изнутри.

Собираясь на встречу с родителями Тимура, я решила не строить ту которой не являюсь, но всё-таки сменила штаны с толстовкой на трикотажное зеленое платье с капюшоном. На ноги одела новые кроссовки, которые купила несколько дней назад. Мой рюкзак, увешанный значками с батлов и соревнований по айкидо, дополнял образ. Да, у меня такой фетиш — из каждого нового места привозить сувенирный значок. Кто-то магниты собирает, кто-то тарелки, а я — доказательства своих побед.

Интерьер авто напоминал операционную — стерильно, холодно и пахнет деньгами. Первые пять минут я сидела, как школьница на собеседовании в Гарварде, но потом осмелела: настроила удобно спинку, опустила солнцезащитный козырек, убавила громкость радио (какая-то скучная попса). Тимур бросал на меня убийственные взгляды, но я их нагло игнорировала.

— Ничего не случится с твоим монстром, — похлопала я по приборной панели.

По дороге Тимур решил ввести меня в курс дела:

— Отец, **Георгий Владимирович**, — военный прокурор. Фигура серьёзная, но с чувством юмора. Любит отдыхать от мамы на своём «Харлеюшке». — Я с удивлением посмотрела на Тимура — Да, он так ласково называет свой мотоцикл, с которым он проводит все свое свободное время. Мама, **Наталья Владимировна**, — женщина активная, любознательная. Про таких говорят «заноза в з...це». Ну ты поняла! Любит заботиться об отце и мне. Причем она делает это настолько рьяно, что отец в будни бежит на работу, а в выходные — в гараж. Я же решил вопрос кардинально — съехал от родителей в свою квартиру.

Я рассмеялась и кивнула:

— Понятно. Твой папа — беглец, мама — стихийное бедствие, а ты — жертва гиперопеки.

- Что-то вроде того — Тимур скривился, но возражать не стал.

Ехали мы не очень долго, мне даже понравилось. Тимур пытался что-то рассказывать и даже шутить, я слушала его в пол-уха наслаждаясь комфортной поездкой.

Где-то через час мы въехали в коттеджный посёлок. Дорого-богато кричало из каждого угла: электрические ворота, охраняемая территория, идеально ухоженные газоны и клумбы, огромные дома.

Двухэтажный особняк родителей Тимура впечатлял. Его стены были выложены красным кирпичом с белыми швами. Крутая двускатная крыша из натуральной черепицы, массивная кованая дверь и высокие окна с металлическими наличниками придавали зданию аристократический шарм.

Особое внимание привлекали изящные кованые перила на крыльце и балконе второго этажа.

Перед входом расстилалась большая круглая клумба, усыпанная бесчисленными разноцветными тюльпанами и ирисами. Невдалеке виднелся каменный колодец-гриль с кованым дымоходом и открытая веранда с кованым гарнитуром под старинный фонарь.

Даже забор здесь был особенный — кирпичные столбы с коваными вставками. Всё вместе создавало образ респектабельного семейного гнезда, где каждая деталь говорила о богатстве и хорошем вкусе.

Дверь открыла Наталья Владимировна — невысокая, слегка полноватая женщина лет пятидесяти с небольшим. Ее элегантное голубое платье в мелкий цветочный узор идеально гармонировало с голубыми, будто подсвеченными изнутри глазами. Светлые, тщательно уложенные волосы до плеч, легкий макияж, лишь подчеркивающий природную свежесть кожи — во всем ее облике чувствовалась та самая "дорогая" ухоженность, которая не кричит о себе, но заметна с первого взгляда.

— О-о-о, — протянула она, расставив руки в театральном жесте, и тут же заключила Тимура в объятия, чмокнув в обе щеки. Пока сын склонился к ее поцелую, я успела заметить, как ее внимательный взгляд за секунду оценил мою фигуру, наряд и даже, кажется, новые кроссовки. — Мой родной, как я рада тебя видеть!

— Я тоже, мам. — Тимур тепло улыбнулся и легким движением притянул меня вперед. — Познакомься, моя девушка, Ульяна.

Его рука на моем плече казалась невесомой, но от этого прикосновения по спине пробежала дрожь.

— Очень приятно, — произнесла я, стараясь улыбаться естественно.

— А уж мне-то как приятно! — Наталья Владимировна тут же перехватила инициативу, ловко взяв меня под руку, словно боясь, что я могу сбежать. Ее ладонь была удивительно мягкой, но в этом жесте чувствовалась стальная уверенность.

Она буквально фонтанировала энергией. Пока мы шли по просторному холлу в гостиную, хозяйка дома не переставала комментировать буквально каждый квадратный метр:

— Вот эту вазочку мы привезли из Вены, — она кивнула на хрустальный сосуд причудливой формы, — а эту статуэтку Георгию подарил его старый друг, перебравшийся в Японию. Видите, как искусно выполнены складки кимоно?

Я кивала, стараясь запомнить хотя бы половину сказанного, но от обилия информации мозг начинал вскипать. Вдруг на шум из кабинета вышел Георгий Владимирович.

Высокий, широкоплечий, с черными, тронутыми благородной сединой волосами — он был живой иллюстрацией того, как будет выглядеть Тимур через двадцать лет. Тот же уверенный взгляд, та же манера держать голову слегка приподнятой. Только вот добродушной мягкости, которая иногда проскальзывала у сына, в его чертах не наблюдалось.

— Здравствуй, сын, — мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

— Здравствуйте, молодая леди, — обернулся ко мне отец Тимура. Его голос звучал приветливо, но в глазах читалась холодная оценка.

— Добрый вечер, — я подала ему руку, стараясь не сжать пальцы слишком сильно, но и не позволить кисти стать безвольной. — Ульяна.

Его ладонь оказалась неожиданно теплой, а в следующее мгновение уголки его глаз вдруг приподнялись в едва уловимой ухмылке.

Стол, накрытый белоснежной скатертью, буквально ломился от яств. Хрустальные бокалы сверкали в свете люстры, столовые приборы лежали с геометрической точностью, а в центре красовалась массивная керамическая ваза с фруктами.

Я ловила себя на мысли, что веду себя неестественно правильно: вилка в левой руке, нож в правой, локти аккуратно прижаты, спина — прямая как струна. "Все по науке", — мелькнуло в голове, и я невольно улыбнулась, вспомнив бабушкины уроки этикета.

Моя бабушка, настоящая интеллигентка старой закалки, искусствовед с безупречным вкусом и манерами, могла бы гордиться мной сейчас. Она всегда говорила: "Ульяна, хорошие манеры — это уважение, прежде всего, к себе".

Глоток сока — и перед глазами всплывает картина: мы с Пашкой вваливаемся после школы в её кабинет в Пушкинском музее. Бабушка за своим массивным столом, окруженная каталогами и репродукциями.

Её не стало пять лет назад. Каждый год в день рождения я прихожу в музей, брожу по залам, где она работала, и кажется, вот-вот за поворотом увижу её знакомую строгую причёску и любимое бордовое платье. Особенно сильно тянет к залу импрессионистов - её страсти.

— Так ты говоришь, занимаешься брейк-дансом? — неожиданно оживился Георгий Владимирович, откладывая нож.

— Около пяти лет, — кивнула я, ловя на себе любопытный взгляд Натальи Владимировны.

— Интересно, — он прищурился, — мне всегда казалось, это больше мужской вид спорта.

— Возможно, как и айкидо, — парировала, — которым я тоже занималась несколько лет.

— А ты знаешь, Ульяночка, — вдруг встряла Наталья Владимировна, — наш Тимур ведь тоже боевыми искусствами увлекался. Тхэквондо. Даже мастер спорта получил!

— Да вы что? — я нарочито медленно повернулась к Тимуру, позволяя ехидной улыбке расплзтись по лицу. — А я, знаете ли, подозревала, что он чем-то таким занимался.

Тимур фыркнул и скорчил такую недовольную мину, что я поспешно отвернулась, переключив внимание на тарелку с идеально запеченной рыбой, украшенной дольками лимона.

— Ульяночка, попробуйте тарталетки, — вдруг сказала Наталья Владимировна, подвигая ко мне блюдо. На нем в изысканном беспорядке расположились: миниатюрные тарталетки, доверху наполненные пузырьками красной икры, канапе из белого хлеба с нежным слоем масла и алой полоской семги, тончайшие ломтики лимона, свернутые в изящные розочки.

"Вот это я удачно зашла", — подумала я, смакуя нежный вкус икры, и украдкой посматривая на Тимура. Он как раз наливал себе сок и о чем-то негромко переговаривался с отцом. Да, быть девушкой Тимура определенно имело свои преимущества.

Пока мужчины были увлечены беседой, Наталья Владимировна не теряла времени даром. Ее проницательный взгляд скользил между мной и Тимуром, а тонкие вопросы, замаскированные под светскую беседу, постепенно закручивали петлю вокруг нашей "истории любви".

— А как вы познакомились?

— Он пришел на мое выступление. — тут же отрапортовала я.

— Часто ли видите?

— Когда как, все-таки у него серьезная работа.

— Какие у вас совместные планы?

И вот последний вопрос повис в воздухе, заставив мужчин на мгновение отвлечься от беседы. Наталья Владимировна, поправляя жемчужное кольцо, мягко, но настойчиво уточнила:

— Вы ведь уже задумывались о свадьбе? Может, скоро порадуете нас внуками?

Я почувствовала, как Тимур напрягся рядом. Его пальцы судорожно сжали салфетку, превращая ее в бесформенный комок.

— Ну, если Тимур предложит, может, и подумаю, — невинно ответила я, наблюдая, как он давится тарталеткой с икрой. Крошки рассыпались по идеально белой скатерти, а лицо покраснело от внезапно попавшего "не в то горло" кусочка.

Тимур вздрогнул, будто получил разряд тока, и резко развернулся в мою сторону. Его глаза, расширенные от ужаса, буквально выстрелили немым криком: "Ты совсем охренела?!" — казалось, кричал каждый его нерв. Брови взлетели вверх, а губы непроизвольно дрогнули, будто пытаясь что-то выговорить, но так и не осмелившись нарушить светскую беседу.

Я томно прикрыла ресницы, делая вид, что поправляю выбившуюся прядь, и в этот момент, прикрывшись хрустальным бокалом с минеральной водой, который только что поднесла к губам, молниеносно показала ему язык. Этот дерзкий жест длился доли секунды, но Тимур уловил его мгновенно - его голубые глаза вспыхнули, будто в них ударили молнии.

Наталья Владимировна, аккуратно сложив салфетку рядом с тарелкой, улыбнулась и предложила:

— А теперь, дети мои, пойдёмте-ка прогуляемся по участку. Вечер такой тёплый, воздух свежий — грех сидеть в доме.

Тимур слегка напрягся — видимо, ожидал новых каверзных вопросов от матери, — но промолчал, лишь кивнув. Я же, напротив, с радостью согласилась. После сытного ужина и напряжённой светской беседы прогулка казалась отличной возможностью немного расслабиться. Отец Тимура, сославшись на важный телефонный звонок, удалился в кабинет.

Мы вышли через веранду, и перед нами открылся ухоженный, продуманный до мелочей участок. Чувствовалось, что здесь работают не просто садовники, а настоящие мастера своего дела.

— Вот видите эту грушу? — Наталья Владимировна горделиво указала на высокое дерево с аккуратной кроной. — Это сорт «Просто Мария». Посадили её, когда Тимурочка ещё в школе учился. Каждый год она нас радует — плоды сладкие, сочные, даже в варенье не теряют вкуса.

Я кивнула, впечатлённая.

— А рядом — «Белорусская поздняя», — продолжила она. — Эти груши мы собираем в октябре, они прекрасно хранятся до весны. Тимур их обожает, правда, сынок?

Тимур, который до этого молча следовал за нами, слегка смутился, но подтвердил:

— Да, мам... Особенно с корицей запечённые.

Наталья Владимировна улыбнулась и провела нас дальше, к яблоневым деревьям.

— А вот это наша гордость — «Антоновка». Старый, проверенный сорт. Аромат у этих яблок — за версту чувствуется

Мы медленно шли по дорожке, выложенной плиткой, а Наталья Владимировна, как экскурсовод в ботаническом саду, рассказывала о каждом дереве, кусте и даже цветке.

— А здесь у нас смородина, — она остановилась у ряда аккуратных кустов. — Красная и чёрная. В прошлом году собрали почти двадцать килограмм! Всё в варенье пошло, часть заморозили...

Я слушала, кивала, но краем глаза замечала, как Тимур постепенно расслабляется.

— А вот наша малина, — Наталья Владимировна с гордостью указала на аккуратные кусты, — сорт "Гусар". Тимурочка в детстве просто жить без нее не мог! — Она лукаво подмигнула мне. — И представьте, Уличка, однажды он так торопился, что налопался зеленых ягод!

Тимур застонал, предчувствуя продолжение:

— Мам, может хватит?!

— Ну что ты, сынок, — невозмутимо продолжила она, — это же такой поучительный случай! Весь следующий день он провел... ммм... в тесном общении с унитазом. — Наталья Владимировна деликатно прикрыла рот рукой.

Я фыркнула, представив маленького Тимура в обнимку с фаянсовым "другом".

— Врач "скорой" тогда пошутил: "Ну что, командир, устроил себе малиновую мобилизацию?" — продолжала развлекаться Наталья Владимировна. — А наш папа добавил: "Теперь понятно, почему в армии говорят 'служить до упора'!"

Тимур покраснел, как та самая спелая малина:

— Может, хватит уже меня позорить?!

— Ой, да ладно тебе, — я лукаво улыбнулась, — зато теперь ты идеально подготовлен к отцовству.

Наталья Владимировна радостно подхватила:

— Именно! — Она многозначительно посмотрела на нас обоих, заставляя Тимура закатить глаза.

Прогулка продолжалась ещё с полчаса. Мы обошли весь участок: Наталья Владимировна показала нам теплицу с томатами, грядки с клубникой и земляникой.

Когда мы вернулись к дому, солнце уже садилось, окрашивая сад в золотистые тона.

— Ну как, Ульяна, понравилось? — спросила Наталья Владимировна.

— Очень! — честно ответила я. — У вас тут просто райский уголок.

— Приезжайте ещё, — тепло сказала она.

В машине Тимур вздохнул:

— Ну что, довольна?

— Ага. Твой папа — серьезный перец, мама — огонь. Когда следующий выход?

— Я тебе напишу... Если выживу после сегодняшнего.

— Да ладно тебе, — засмеялась я, — не будь занудой!

— А ты не будь заразой, — передразнил он меня, — мама и так никак не успокоится со своими внуками, а ты масло в огонь подливаешь.

Меньше, чем через час машина плавно остановилась у моего дома.

— Спасибо, что сегодня не опозорила меня слишком – хмыкнул Тимур.

— Ой, да не за что! — махнула я рукой, вылезая из машины.

Дверь захлопнулась, и черный внедорожник плавно тронулся с места. Я стояла на тротуаре, провожая его взглядом, пока задние огни не растворились в ночи.

Глава 12

Тимур

Войдя в квартиру и потрепав Пацана по холёной шерстке, я вдруг осознал, что забыл поблагодарить Ульяну за помощь.

Она, конечно, временами вела себя так, будто её воспитывала стая диких гиен, но всё же не всегда. Иногда в ней проскакивали проблески человечности. Ну, или хотя бы цивилизованной гиены.

«Спасибо за помощь», — набираю ей в мессенджер, предвкушая, как она сейчас или проигнорирует, или ответит что-то ядовитое.

Ульяна не заставила себя ждать. Ответ прилетел мгновенно:

«Лучшая твоя благодарность — это пополнение моего счета!»

— Вот же зараза! — вырвалось у меня против воли. Но что поделать! Перевожу деньги.

Интересная она, чёрт возьми. Вся её дерзость, прямолинейность, отсутствие этой дурацкой девичьей ужимки и вечных «ой, не знаю, как бы тебе сказать...». Если бы она была парнем — цены б ей не было! Идеальный друг: не ноет, не кокетничает, а если хочет денег — так и говорит. Но дружба между парнем и девчонкой — это как попытка подружить кота с собакой: вроде возможно, но кто-то точно останется без хвоста.

Смыв с себя впечатления сегодняшнего дня (и тонны сарказма Ульяны), я рухнул на кровать и тут же провалился в сон.

И снится мне такая дичь, что хоть в психушку звони.

Я, весь такой brutalный, стою у фонтана. В руках — скромный букет белых цветов, будто я не мужик, а невеста на пробном дне в ЗАГСе. Но самое жуткое — на мне свадебное платье. Да-да, белое, пышное, с рюшечками. И я улыбаюсь, как debil, который только что проиграл спор на «слабо».

Звучит марш Мендельсона, и навстречу мне идёт... ЗАРАЗА!!!

В чёрном смокинге, с бабочкой, с сигаретой в зубах. Подходит, выдыхает дым мне прямо в лицо и говорит хриплым голосом:

— Ну что, касатик, жениться идём!

Я в шоке. Во-первых, я в платье. Во-вторых, она в смокинге. В-третьих, какой я ей «касатик»?!

Пытаюсь отступить, но Ульяна вдруг издаёт звук, средний между рыком голодного медведя и мурлыканьем довольного гепарда, и набрасывается на меня.

В прямом смысле.

Обхватывает руками за плечи, ногами — за пояс и тянется с поцелуем. Я отворачиваюсь, но она только рычит и приближается.

И тут начинается самое страшное.

Она лижет меня.

Не просто так, а с каким-то звериным остервенением, будто я — последняя котлета в собачьей миске. Рычит и лижет, рычит и лижет.

— Ты что, очумела?! — пытаюсь вырваться, но она уже обвилась вокруг меня, как питон вокруг добычи.

Сердце колотится, паника накрывает... И вдруг — ЗВУК.

Меня выдергивает из этого безумия голос какой-то певицы, орущей с экрана телевизора.

Открываю глаза. Рядом с пультом сидит Пацан, держа в зубах поводок. Его взгляд красноречиво говорит: «Ну и долго ты ещё валяться будешь?»

— Так это ты меня лизал?! — осознаю я.

В ответ раздаётся довольное: «Р-р-р-р!»

Пффф...

— Ох, Пацан, ты бы знал, что мне снилось... — вздыхаю я, потирая щёку, которую он, видимо, решил отполировать до блеска.

С трудом оторвавшись от кровати (а Пацан уже топтался у двери, всем видом показывая: «Ну сколько можно?!»), я натянул спортивные штаны с футболкой, прихватил поводок — и мы двинули в Серебряный Бор.

Пацан, как всегда, исправно выполнял программу: обнюхал каждый куст, каждое дерево, каждую кочку. Потом устроил показательные выступления перед местными собаками, демонстрируя, кто тут главный по части меток. Ну а дальше — кульминация — он привел меня к турникам и сел рядом, уставившись.

— Что, опять? — вздохнул я.

Пацан молчал, но его взгляд говорил: «Ты же знаешь правила. Без турника ты не мужик.».

Пришлось попотеть. После третьего подхода я уже ненавидел всё: турники, здоровый образ жизни, и особенно — собственную слабохарактерность, из-за которой я когда-то позволил этому хвостатому тирану установить свои правила.

Но Пацан выглядел довольным. Видимо, в его собачьей голове чётко закрепилось: «Хозяин должен быть в форме. Иначе кто будет таскать меня на руках, когда я притворюсь уставшим?».

Дома Пацан мгновенно рванул к миске и с упоением принялся хрустеть кормом, будто это не сухие гранулы, а деликатес из трюфелей и лосося.

Я же печально посмотрел на ожидавшую меня на столе заваренную геркулесовую кашу и передернул плечом.

Всё это — наследие маман. Её «Дай мне честное слово, что по утрам будешь кушать геркулес, и я не буду обижаться на то, что ты от нас с папой съехал».

В тот момент я был готов дать что угодно — слово, руку, печень, — лишь бы сбежать от её гиперопеки. А теперь вот расплачиваюсь.

Приняв душ, я уныло уставился на тарелку.

— Он же полезный... — пробормотал я, запихивая в себя очередную ложку этой гадости.

Каша не сопротивлялась, но и удовольствия не доставляла. Как будто жевал мокрый картон, но с мыслью «зато для здоровья».

— Ладно, зато я молодец, — убеждал себя, доедая последнюю ложку.

Чтобы компенсировать страдания от здорового образа жизни, я решил позвонить ребятам. Набрал в общий чат:

«Вечером боулинг? Пиво, колбаски, крики «Да твою же....» при промахе?»

Ответы посыпались мгновенно:

«Я в деле!»

«А давайте ещё чипсов»

«Только без баб»

Договорились встретиться в 19:00.

Пацан, услышав мои планы, вздохнул (ну или мне показалось) и улёгся на свой лежак, давая понять: «Ладно, иди. Но завтра — двойная порция турника».

Ну что ж... Главное — сегодня вечером можно будет расслабиться. А завтра... Завтра снова геркулес.

До вечера оставалось ещё уйма времени, и во мне вдруг проснулась та самая курица, которая хочет вить гнездо. Вернее, в моём случае — разгрести это гнездо.

Обычно я раз в неделю заказываю клининг — чернявые девчонки в серой униформе с техникой на перевес быстренько наводят лоск в нашей с Пацаном берлоге. Но сегодня меня накрыло — захотелось самому порхать по квартире с тряпкой, шваброй и ведром.

Ну ладно, со шваброй и ведром я погорячился – у меня же есть робот-пылесос, пусть он и «порхает». Но его ведь тоже надо обслуживать: помыть, мусор вытряхнуть, почистить щётки... А это, между прочим, тоже работа!

Целый час я носился по квартире, вытирая пыль, раскладывая по местам разбросанные носки и пытаюсь понять, откуда в углу взялась таинственная крошка печенья. Пацан в это время меланхолично наблюдал за мной со своего лежака, всем видом показывая: «Давай, работай как надо».

— Хоть бы помог, – ворчал я, – сам же тут живёшь!

Но нет, не барское это дело. Пёс лишь зевнул и благородно отвернулся, словно говоря: «Я в уборщики не нанимался!».

Закончив с уборкой, я с чувством выполненного долга плюхнулся на диван и включил футбол – как раз начинался матч. Но едва я успел насладиться первым опасным моментом, как зазвонил телефон.

На экране высветилось:

«ВИКА».

Я нажал на зеленую кнопку.

— Алло.

— Привет... — послышался ее голос, сладкий и чуть томный. — Какие планы на вечер? Кино хочешь посмотреть?

— На вечер планов — громадье, не до кино. А вот до шести — абсолютно свободен.

— Отлично! — оживилась Вика. — Что у нас в приоритете: комедия, ужасы или мелодрама?

— Футбольный матч. Будем голы забивать.

В трубке раздался её смех — звонкий, чуть хрипловатый.

— Тогда закуску к матчу захвати.

— Да без проблем.

Разговор прервался. Я посмотрел на Пацана — свернувшись калачиком, он мирно посапывал на своём лежаке.

— Ну, держись тут, — пробормотал я, натягивая джинсы и футболку.

Моя «Девочка» — черный капот, сверкающий на солнце, — встретила меня привычным урчанием. Сегодня она звучала особенно довольной, будто знала, куда мы едем.

По пути решил заскочить в супермаркет. Защита (футбольный матч всё-таки!) и снедь — после игры мы с Викой обычно оказывались зверски голодными.

Я подъехал к её дому, припарковался и нажал на звонок.

Дверь открылась почти мгновенно. Вика. В короткой сорочке на тонких лямках, с едва заметной улыбкой на губах.

— Ого, — фыркнул я. — Ты уже подготовилась к матчу.

— Ага, — она игриво прикусила нижнюю губу. — Жду не дождусь, когда начнём.

Шагнул внутрь, притянул её к себе. Она тут же прижалась, обвила руками шею — и ПОНЕСЛАСЬ.

К 19:00 я уже стоял у входа в боулинг-клуб "Страйк", где меня ждала наша компания. Бодя первым заметил меня и, широко ухмыляясь, протянул руку для дружеского приветствия:

— Здорово, брат! Ты чего такой довольный? Глаза горят, как у кота, объевшегося сметаны!

— Жизнь прекрасна, — философски заметил я, невольно вспоминая, как всего пару часов назад Вика с упоением поднимала мне настроение. В голове тут же всплыли пикантные подробности нашего "футбольного матча".

За столиком в углу зала царил привычная атмосфера мужского братства. Марк, склонившись над стойкой с шарами, с серьезностью сапёра выбирал идеальный снаряд. Санёк, размахивая руками, с горячностью рассказывал о своем новом стажёре:

— Она меня в могилу сведет или инвалидом сделает! Вчера принесла отчет - я сначала подумал, что это шифровка какой-то тайной организации! А сегодня умудрилась пролить кофе на договор! Спасибо хоть не на меня!

Бодя, осушая третью кружку пива, как всегда, ворчал:

— Лизка - настоящая коза, пацаны! Прикиньте, где-то раздобыла номер моей последней пассивности и зарегистрировала её на сайте интимных услуг под ником 'ГорячаяНаташка'! Вот ведь ведьма настоящая! Надо гнать её из квартиры, иначе никакой личной жизни у меня не будет!

— Тебе остаётся только жениться на ней, - мудро заметил Санек, ловко подхватывая очередную порцию чипсов. — И личная жизнь появится, и думать, что делать с Лизой, не придется. Кстати, у тебя в квартире скоро новый житель появится.

— Какой ещё житель? — насторожился Бодя, откладывая в сторону кружку.

— Хвостатый, - со смешком ответил Саня.

— Мля..., — Бодя потер виски. — Я себя уже как в зоопарке чувствую. Эта будущая «ветеринариха» меня точно с ума сведет. На днях притащила какого-то хомяка - говорит, у него запор, надо массаж делать!

— Не сведёт, — успокаивающе сказал Марк, наконец выбрав подходящий шар. — Она ещё просто молодая, вот подрастёт, и всё наладится.

— Когда она подрастёт, мне уже не до баб будет — песок из задницы буду совком собирать, — мрачно пошутил Бодя, вызывая взрыв смеха у компании.

— Нет, мужики, серьезно, — Бодя сделал глоток пива. — Бабы — это зло. Так, для перепихона сойдёт, а для серьезных отношений — нет, не хочу.

— А я, кажется, созрел, — неожиданно сказал Марк, вызывая у всех шок. — Хочу сделать предложение.

— Ну, на такой как твоя я бы тоже женился, - одобрительно заметил Бодя, поднимая кружку для тоста.

Я лишь вздохнул, вспоминая, что и сам когда-то был увлечён девушкой Марка. Хорошая, умная, красивая... Но мне она оказалась не по зубам.

Игра шла своим чередом. Когда подошла моя очередь, я с первого броска выбил страйк.

Санек, промахнувшись по всем кеглям, философски заметил: "Вот и вся жизнь, пацаны. Хочешь попасть в десятку, а выходит... ну вы поняли."

К полуночи, когда последние капли пива были выпиты, а горы копчёных колбасок превратились в воспоминание, мы вывалились на прохладную ночную улицу. Марк задумчиво сказал:

— Ладно, пацаны, мне завтра кольцо выбирать.

Санёк вздохнул:

— А мне - стажёра воспитывать. Завтра будем учиться отличать договор от меню ресторана.

Бодя хмыкнул:

— А мне - от Лизки прятаться.

Мы обменялись крепкими рукопожатиями и разошлись в разные стороны.

Ульяна

Я вошла в квартиру, щёлкнув замком за спиной. Темнота и тишина встретили меня как старые знакомые.

Телефон в кармане джинсов завибрировал — одно непрочитанное сообщение. Паша: "Буду поздно, не жди".

"Опять эти гонки", — мысленно закатила глаза.

Эта его мания с заработком уже порядком достала. Учеба в политехе, ночные смены в клубе, подработка в автомастерской — казалось бы, хватит. Но с этого года добавились ещё и ночные заезды. Все ради его новой идеи — через год открыть автосервис с друзьями. Мечта, ради которой он готов рисковать шеей на тёмных трассах.

А я? Я теперь половину ночи ворочаюсь, прислушиваясь к каждому шороху за окном.

Тёплая вода душа смыла дневную усталость, но не тревогу. На кухне заварила чай с лимоном — кисловатый, как моё настроение.

Сегодняшний ужин с Тимуром и его родителями оказался... терпимым. Готовилась к худшему - к скандалам, упрёкам, может даже к хлопанью дверьми. Но обошлось парой неловких пауз и парой дежурных вопросов.

Телефон вибрирует на столе. Тимур: "Спасибо за помощь".

"Ого, воспитанный", — поднимается уголок губ.

Честно говоря, мне и не сложно было — вкусно поела, немного поиздевалась над ним, с ветерком прокатилась да ещё и пять тысяч заработала... Хотя...

Пальцы сами набирают сообщение: "Лучшая твоя благодарность — это пополнение моего счета!"

Минута — и банковское уведомление сверкает на экране.

Теперь улыбка расплывается по всему лицу. Да, сегодня определённо мой день.

Глухая ночь. Скрип входной двери, тяжёлые шаги грубых ботинок Пашки по коридору. Дверь в мою комнату приоткрывается.

Я открываю глаза — он стоит на пороге, весь пропахший бензином и ночью.

— Всё хорошо. Спи. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Глава 13

Ульяна

Воскресное утро началось резко и неумолимо — в семь часов зазвонил будильник, вырывая меня из мира снов. Я открыла глаза, ощущая тяжесть в веках, будто кто-то подвесил к ним свинцовые гири. Мысль о приближающихся экзаменах заставила меня подняться, хотя тело умоляло хотя бы о еще полчаса сна.

Из соседней комнаты доносилось громкое храпение Пашки — он спал так, будто соревновался с трактором. Даже закрытая дверь не спасала: низкое урчание пробивалось сквозь стены, словно назойливый фон.

На кухне пахло вчерашним ужином и чуть затхлым воздухом — видимо, окно всю ночь было закрыто. Я вяло открыла форточку, впуская струю прохладного утреннего воздуха, и поставила чайник. Пока вода закипала, достала из холодильника лимон, отрезала тонкий ломтик и бросила в кружку. Горько-кислый аромат свежего чая постепенно прогонял остатки сна, а первые глотки обжигающего напитка вернули хоть какое-то подобие бодрости.

Экзамены в Московскую государственную академию физкультуры были уже через три недели, а бюджетных мест — всего ничего. Я закончила МССУОР №2 с минимальным количеством четверок, выжав из себя все возможное, и теперь хотела поступить так же на бюджет и в академию. Значит, расслабляться было нельзя.

На столе в моей комнате уже лежали аккуратно разложенные конспекты, учебники по биологии и анатомии, стопка распечатанных билетов прошлых лет. Я устроилась поудобнее, подложив под спину подушку, и погрузилась в изучение физиологии мышечного сокращения. Текст в учебнике то и дело расплывался перед глазами, но я упрямо перечитывала сложные моменты снова и снова, пока они не начинали хоть как-то укладываться в голове.

К полудню желудок напомнил о себе громким урчанием. Видимо, не только мой — ровно в 12:00 послышалось кряхтение, и перед моими глазами возник заспанный Паша. Вид у него был потрепанный, будто он всю ночь разгружал вагоны, а не мирно спал в своей комнате. Волосы торчали в разные стороны, глаза еле открывались.

— С добрым утром, — проговорил он, потягиваясь, как кот. Суставы отозвались громким хрустом.

— Да уж, доброе... Уже обед не за горами, — усмехнулась я.

— Ты же знаешь, у меня как встал — тогда и утро.

— Яичницу будешь?

— С колбасой, — уточнил он, зевая.

— С ней самой, — кивнула я, доставая сковородку.

— С удовольствием.

Еще раз сладко зевнув, Паша побрел в ванную, где вскоре послышался шум воды. Через десять минут он вышел уже в более бодром виде: волосы блестели от влаги, лицо стало свежее, хотя тени под глазами выдавали хронический недосып. Он потянул носом, уловив аппетитный аромат.

— Ммммм, — протянул он, глядя на тарелку, где уютно расположились два жареных яйца с румяной корочкой и несколько кусков поджаренной колбасы. — Какая вкусная вредность.

— Не то слово, — подтвердила я, засовывая в рот очередной кусочек.

— Паша, сготовь сегодня что-нибудь вкусненькое, а? Мне к вступительным экзаменам надо готовиться, а вечером мы опять танцуем.

— Где на сей раз?

— Решили на Воробьевы горы съездить.

— Ладно, что-нибудь приготовлю. Я сегодня в клубе, помнишь?

— Как же тут забудешь.

— Поэтому на Воробьёвых чтобы не задерживалась. В 23:00 как штык. И с тебя фото-отчет.

— Есть, мой генерал! — отдала я шутливое воинское приветствие. — Спасибо за компанию.

Я быстро ополоснула тарелку с чашкой, поцеловала Пашу в щетинистую щеку (мог бы и побриться, в конце концов!) и скрылась в своей комнате, где меня ждали кипы учебников.

Ближе к вечеру раздался звонок от самых заядлых садоводов нашей страны — моих родителей.

— Ну как, дочка, готовишься? — спросил отец, и в его голосе явно читалось беспокойство.

Я рассказала им о своих занятиях, стараясь звучать бодрее, чем чувствовала себя на самом деле. Родители в ответ делились новостями из теплиц, рассказывали о том, как растут помидоры и когда ждать первый урожай огурцов. Их голоса звучали тепло и привычно, но мысли уже возвращались к неусвоенному материалу.

До самого вечера я сидела, уткнувшись в учебники. Тесты по биологии показали, что я допустила ошибки в двух вопросах — пришлось тщательно разбирать эти моменты, перечитывать параграфы и делать пометки, чтобы не ошибиться снова.

Когда стрелки часов приблизились к семи, я дописала последние тезисы и с облегчением закрыла тетрадь. Глаза слипались, спина ныла от долгого сидения, но чувство выполненного долга согревало изнутри.

Пашка уже ушел в свой клуб, так что дома я была одна. На кухне меня ждал сюрприз — на столе приветливо красовалась кастрюля с фаршированными перцами, еще теплыми. Когда он успел в магазин сбегать? Я ведь даже не заметила, что он выходил.

С большим аппетитом натрескавшись, я стала собираться на джем. Впереди был вечер танцев, а значит есть шанс отвлечься от мыслей об экзаменах.

Когда я показалась на нашем месте, парни уже вовсю танцевали, а из коробки виднелись купюры. Раздав каждому по "пятюне", я вышла на сцену. Тело ловило ритм, двигаясь то убыстряясь, то замедляясь. Я вся жила в этом танце. Решила попробовать впервые на публике показать свечку. О да, у меня получилось! Послышались зрительские аплодисменты. Парни начали подбадривающе кричать "Давай, давай!". Три оборота — неплохо!

Танцы на Воробьёвых горах закончились ближе к десяти. Мы — потные, уставшие, но довольные — всей толпой шли в сторону метро, обсуждая удачные движения и проваленные трюки.

— А давайте в боулинг! — внезапно предложил кто-то из наших.

— Мне брат сказал в 23:00 как штык быть дома! — засмеялась я, но ребята уже горели идеей.

— Ну, Ульянов, давай присоединяйся! Мы с пацанами тебя проводим! Если боишься, давай братану твоему наберу, — сказал Даня, главный организатор в нашей компании.

— Не надо, я сама с ним переговорю.

Получив братское разрешение (с пометкой "в 24:00 как штык"), мы отправились в боулинг.

Через двадцать минут наша шумная компания ввалилась в ближайший боулинг-клуб. Внутри пахло кожей, чипсами и сладкой газировкой. Где-то грохотали шары, смеялись люди, а на экранах над дорожками мигали анимированные страйки. Я невольно улыбнулась — здесь царила та особая атмосфера веселья и беззаботности, которая так контрастировала с моей учебной рутинной.

Мы взяли две дорожки, начали выбирать обувь. Я скривилась, рассматривая нелепые боулинговые ботинки с вытертыми подошвами.

— Ну и мода! — фыркнула я, примеряя свой размер. — Как будто из восьмидесятых вылезли.

Ребята уже вовсю шутили друг над другом, разбирая шары по весу. Я выбрала себе ярко-розовый шар — не самый тяжелый, но удобно лежащий в руке. Подойдя к дорожке, я почувствовала приятное волнение. В последний раз я играла в боулинг... когда? Год назад? Два?

Первый бросок получился неуверенным — шар покатился по краю дорожки, сбив всего четыре кегли. Но уже со второго раза я вошла во вкус. Тело запоминало движения: три шага, замах, плавный бросок. Шар катился ровно, с приятным глухим стуком сбивая кегли. Когда все десять упали разом, я не сдержала радостного возгласа:

— Страйк!

Ребята одобрительно загудели, а я, довольная собой, отошла в сторону, вытирая пот со лба. Именно в этот момент мой взгляд скользнул к дальним дорожкам, и...

Сердце внезапно замерло, потом бешено заколотилось. Тимур. Он стоял в десяти метрах от меня, в окружении трех незнакомых парней. Высокий, уверенный, в светлой футболке, которая подчеркивала его широкие плечи. Его голубые глаза смеялись, когда он что-то оживленно рассказывал друзьям, размахивая руками.

Я застыла на месте.

— Знакомый? — проследив за моим взглядом спросил Витька.

Я лишь пожала плечами, делая вид, что изучаю шары на стойке.

— Что-то вроде того.

Я решила не привлекать к себе внимания. Ведь я не знала, хотел ли Тимур раскрывать своим друзьям мою личность. А вдруг наша договоренность была секретом и от них тоже?

Наклонив голову, я натянула капюшон посильнее, будто пытаюсь спрятаться не только от его взгляда, но и от собственных мыслей. Пальцы сжали крепко шар.

— Эй, Ульян, да ты сегодня в ударе! — крикнул кто-то из ребят, когда я снова выбила страйк.

— А то! — бодро бросила в ответ.

Глава 14

Тимур

Новая рабочая неделя встретила меня таким ливнем, будто сам Нептун решил устроить Москве внеплановый потоп. Вода хлестала с неба сплошной стеной, превращая дороги в бурные реки, а тротуары — в мини-озера, через которые приходилось перебираться, как заправский экстремал. Небо, затянутое плотной серой пеленой, нависало так низко, что казалось — протяни руку, и пальцы утонут в этой сырой вате.

Мой пес, обычно обожающий долгие променады, в тот день явно не оценил погодных условий. Его утренний выгул свелся к экспресс-версии: вышел, пописал, покрутился у ближайшего куста в тщетных попытках настроиться на более основательное дело, но в итоге сдался и потрусил обратно к подъезду, всем видом показывая: «Нет уж, хозяин, в такую погоду только психи гуляют дольше десяти минут».

Прогноз синоптиков не сулил ничего хорошего — обещали, что этот мокрый кошмар растянется на всю неделю. Но, видимо, высшие силы сжалились над столицей: уже к полудню ливень начал стихать, а к вечеру и вовсе прекратился. А на следующий день, как в насмешку над всеми прогнозами, выглянуло солнце, яркое и наглое, будто и не было вчерашнего апокалипсиса.

Настроение мое, естественно, улучшилось пропорционально погоде. Выгулял пса как положено — долго, с пробежками и обнюхиванием всех значимых столбов в округе. Затем — быстрый душ, тарелка геркулеса, и вот я уже еду на службу, готовый к трудовым подвигам.

Рабочий день пролетел в привычном ритме: бесконечные совещания, кипа документов, требующих подписи, и звонки, которые почему-то всегда раздаются в самый неподходящий момент. Но был в этом хаосе и приятный момент — обед в компании Александра Петровича.

На этот раз его супруга положила ему в контейнер двойную порцию селедки под шубой. Александр Петрович, человек щедрый, тут же предложил разделить с ним этот «скромный паёк». Отказываться я не стал — во-первых, идти в кафе лень, а во-вторых, в нашем импровизированном «архивном кинозале» (читай: подсобке с припрятанным телевизором) как раз показывали повтор вчерашнего хоккейного матча.

Так и провел обеденный перерыв — заедая селедку хлебом, комментируя игру и периодически споря с Александром Петровичем о том, почему наш вратарь вечно «ловит ворон» в ответственные моменты.

Но всему хорошему приходит конец. Закончился матч, закончился салат, и пришлось возвращаться к рабочему столу. Не успел я переступить порог кабинета, как услышал настойчивый звонок своего телефона. Оставил его здесь специально — чтобы хоть полчаса побыть в тишине, без этих вечных «Тимур Георгиевич, вы свободны?» и «Надо срочно подписать!».

Маман. Сердце упало куда-то в район желудка. Беру трубку.

— Тимурочка... — голос из трубки звучал слаще меда, что всегда означало одно: или просьба, которую невозможно выполнить, или новость, которую невозможно пережить. — Здравствуй, дорогой! Как твои дела?

— Привет, мам. Всё нормально. Ты что хотела?

На другом конце провода следует театральная пауза. Я мысленно готовлюсь к худшему.

— Да вот, просто так позвонила... — начинает она невинно, но я-то знаю — просто так мама не звонит. Особенно в рабочее время.

Жду.

— Да я, честно говоря, хотела узнать, как у тебя и Ульяны дела...

— Нормально, всё у нас, — настороженно отвечаю, чувствуя подвох.

— Тимур, а у вас точно всё серьёзно? — голос мамы звучит одновременно заинтересованно и подозрительно.

— Конечно, мам. Стал бы я тебе врать? Серьёзнее не придумаешь.

— Просто тут наша соседка Клавдия...

— Мама, — резко перебиваю, — мне, кроме Ульяны, никто не нужен.

В трубке повисает пауза. Длинная. Настолько длинная, что я успеваю мысленно прокрутить все возможные варианты развития этого разговора.

— Что ж... — наконец выдавливает маман. — Значит, так всё серьёзно у вас?

— Да. Я ведь говорил.

— И... живете вместе?

— Мам, ну к чему эти вопросы?

— Так живете или нет? — настаивает она, и я слышу в её голосе ту самую интонацию, которая всегда предшествует либо слезам, либо долгой лекции о «правильной жизни».

Делаю глубокий вдох, сдерживая раздражение.

— Конечно, мам. Мы ведь любим друг друга.

— Ох... — её голос вдруг смягчается. — Как замечательно...

И тут же, без паузы, словно только этого и ждала:

— А ты знаешь, сынок, я вот тебе звоню с просьбой. У меня завтра в городе кое-какие дела. Я у вас останусь на ночь. Ты ведь не возражаешь?

Взрыв.

Чтооооооо?!

Мысли разбегаются, будто тараканы. Что делать? Как быть?

— Мам... — осторожно начинаю я. — Может, лучше в гостинице? Я тебе сниму хороший номер...

— Ты хочешь, чтобы я ночевала в незнакомом месте? С тараканами?!

— Мам, я сниму тебе дорогую гостиницу. Без тараканов.

Драматическая пауза.

— Кто бы мне сказал... — начинает она жалобным тоном, но я не выдерживаю.

— Хорошо! — резко перебиваю, сжимая кулаки так, что пальцы начинают хрустеть. — Ты можешь переночевать в моей квартире.

— Тимурочка! — мгновенно проясняется её голос. — Ты просто золото у меня! Целую, дорогой! До завтра!

— До завтра... — бурчу и кладу трубку.

Приплыли.

Мозг тут же переключается в режим экстренного планирования. Ульяна меня приберёт.

Быстро набираю номер.

— Алло? — слышится её голос.

— Есть разговор, — отвечаю без предисловий.

— Что случилось? — Ульяна спрашивает настороженно. Я слышу, как на заднем фоне орет музыка.

— Хочешь пожить у меня? — бросаю без лишних предисловий.

— Нет, — отвечает она так резко, что я невольно отдергиваю телефон от уха. — Мне моя квартира нравится.

— А придется.

— Тебя же мой брат приберёт.

— Не страшно, — мрачно усмехаюсь. — Моя маман страшнее. Ульяна, спасай.

И я выкладываю ей все обстоятельства дела, начиная от звонка матери до перспективы объяснять, почему у нас в "совместной" квартире половина шкафов пустует, а в ванной нет

ни одной женской штучки. Ульяна не перебивает, только временами сопит в трубку — верный признак, что она мысленно прокручивает варианты.

— Эх, — наконец вздыхает она, — нарвешься ты в итоге со своим обманом.

— Все будет в ажуре! — пытаюсь звучать уверенно.

— Ага, так я и поверила, — слышу ее саркастичный смешок.

— Завтра около 7:00 буду ждать тебя у подъезда. Много вещей не бери.

— А я уже паковать чемоданы начала, — отвечает со смешком, — а ты меня одним целлофановым пакетом ограничиваешь? — притворно вздыхает она.

— До завтра, — бурчу и вешаю трубку, раздраженно швыряя телефон на стол. Вот же зараза, хоть бы поддержала как-то по-человечески. Только ребра и носы ломать умеет, что за девчонка. Хрен с ней. Главное, что согласилась.

Оставшийся рабочий день прошел в каком-то нервном тумане. Я механически подписывал бумаги, отвечал на письма и даже как-то умудрился провести совещание, но мысли мои были далеко.

Вечер. Звонок. Я чуть не выронил телефон, ожидая увидеть имя маман, но на экране высветилось: «Санёк».

— Чертовски хочется бухнуть, — раздаётся в трубке его хриловатый голос, без предисловий.

— Аналогично, — сразу отвечаю, даже не спрашивая, в чём дело.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.